

Волки и овцы. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://ostrovskyaalexander.ru/> приятного чтения!

Волки и овцы. Александр Николаевич Островский

(Комедия в пяти действиях)

Действие первое

Лица

Меропия Давыдовна Мурзавецкая, девица лет 65-ти, помещица большого, но расстроенного имения; особа, имеющая большую силу в губернии.

Аполлон Викторович Мурзавецкий, молодой человек лет 24-х, прапорщик в отставке, племянник Мурзавецкой.

Глафира Алексеевна, бедная девица, родственница Мурзавецкой.

Евлампия Николаевна Купавина, богатая молодая вдова.

Анфуса Тихоновна, ее тетка, старуха.

Вукол Наумович Чугунов, бывший член уездного суда, лет 60-ти.

Михаил Борисович Лыняев, богатый, ожиревший барин, лет под 50, почетный мировой судья.

Павлин Савельич, дворецкий Мурзавецкой.

Влас, буфетчик Мурзавецкой.

Корнилий, лакей Мурзавецкой.

Стропилин, подрядчик Мурзавецкой.

Маляр.

Столяр.

Крестьянин, бывший староста Мурзавецкой.

Мастеровые, крестьяне и приживалки Мурзавецкой.

Действие в губернском городе, в доме Мурзавецкой. Зала, меблированная по-старинному; с правой стороны (от зрителей) три окна, в простенках узкие длинные зеркала с подзеркальниками. У первого окна, ближе к авансцене, высокое кресло и столик, на нем раскрытая старинная книга и колокольчик; в глубине, в правом углу, двустворчатая дверь в большую переднюю; в левом – дверь в комнату Мурзавецкого; между дверями печь; на левой стороне, в углу, дверь в коридор, ведущий во внутренние комнаты; ближе к авансцене двери в гостиную; между дверями придвинут к стене большой обеденный стол.

Явление первое

Павлин у дверей в переднюю, подрядчик, маляр, столяр, староста, крестьяне и мастеровые.

Павлин (подавая руку подрядчику). Господину Стропилину! (Прочим.) Невозможно, господа, невозможно. Что за базар!

Столяр. Всякий тоже из-за своего интересу.

Маляр. Другому деньги-то как нужны, – страсть!

Староста. Праздничное дело: слободно, – ну, значит, иди за получкой.

Подрядчик. Праздничное-то дело так бывает, друг сердечный, что и получишь, да домой не донесешь.

Волки и овцы. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Столяр. Донесли бы, сумели, только б было что.

Маляр. Только б залучить деньги-то, а то вот как зажму, силой не отымешь.

Павлин. Стало быть, вы барышню дожидаться хотите?

1-й Крестьянин. Да уж подождем; наше дело такое, что дожидаться.

2-й Крестьянин. И подождешь, ничего не поделаешь... Мы еще позапрошлую осень лес возили на баньку. (Указывая на подрядчика.) Вон рыжий-то строил.

Маляр. А мы вот палисаду красили, звен двенадцать, да беседку умброй подводили.

Староста. А мы так бычка-опочка в ту пору на солонину...

Столяр. Всякий за своим, ведь и мы вот тоже два столика под орех, да в спальню к барышне...

Павлин. А вы, господин Стропилин?

Подрядчик. Со старым счетцем. Вышел из дому с утра по своим делам, так уж, думаю, пройду, мол, заместо моциону.

Павлин. Ну, что ж мне делать прикажете! Допустить вас я не смею. Домой идите, други милые, вот что я вам скажу. После понаведаетесь, да не все вдруг!

Подрядчик. Нет, уж меня-то вы до барышни допустите, Павлин Савельич.

Голоса. Допущай до самой! Всех допущай до самой!

Павлин. Я, пожалуй, допущу; только с уговором, господа. Вот первое: которые почище (указывает на подрядчика, маляра, столяра и старосту), останьтесь здесь (остальным), а вы к крыльцу. Второе дело: как барышня из экипажа, сейчас все к ручке; а кто, по усердию, может и в ножки. Об деньгах и не заикаться; с праздником можно поздравить, а об деньгах чтоб ни слова.

Маляр. Да коли мы за ними собственно пришли, как же так ни слова?

Павлин. А так же – ни слова, да и все тут. Пройдут барышня в гостиную, чаю накушаются, я им доклад сделаю; тогда вам всем резолюция и выдет. Как же вы хотите, чтоб праздничное дело, утром, да сейчас за суету? Барышня в это время тишину любят и чтоб никто их не беспокоил, особливо об деньгах. Вы то подумайте: когда они приедут из собора, сядут в размышлении и подымут глазки кверху, где душа их в это время бывает?

Подрядчик. Высоко, Павлин Савельич, высоко.

Староста. Уж так-то высоко, что ах!

Павлин. Ну, вот то-то же! (Маляру.) А ты с умброй! Эх, сырье! Когда вы отмякнете сколько-нибудь? Деньги деньгами, а тоже и время надо знать. Мы суеты всеми манерами избегать стараемся; а он за бычка-опочка получать пришел. Ну, ступайте на свое место.

Крестьяне и мастеровые уходят. Входит Чугунов с портфелем.

Явление второе

Павлин, Чугунов; (у двери в переднюю) подрядчик, маляр, столяр, староста; потом Корнилий.

Чугунов (указывая глазами на толпу). Набралось гостей со всех волостей.

Павлин (нюхая табак). Комиссия, сударь.

Чугунов. Дай-ка березинского-то!

Волки и овцы. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Павлин подает табакерку.

(Понюхав.) Разбор делаешь: кому – подожди, кому – после приди!

Павлин. Перемежка в деньгах, сударь.

Чугунов. Это бывает. Перед деньгами, говорят.

Павлин. Дай-то Бог! Женское дело, сударь... От женского ума порядков больших и требовать нельзя.

Чугунов. Ну, не скажи! У Меропы Давыдовны ее женского ума на пятерых мужчин хватит.

Павлин. Как же возможно против мужчины! Кабы столько ума было, так за вами бы не посылали; а то чуть кляузное дело, сейчас за вами и шлют.

Чугунов. Да на кляузы разве ум нужен? Будь ты хоть семи пядей во лбу, да коли законов не знаешь...

Павлин. Понимаю я-с. Да от большого ума кляуз-то заводить не следует. Конечно, осуждать господ мы не можем, а и похвалить нельзя. У Меропы Давыдовны такой характер: с кем из знакомых размолвка – сейчас тяжбу заводить. Помилуйте, знакомство большое, размолвки частые, – только и знаем, что судимся.

Чугунов. Да, другой раз просто не из чего дело затеваешь.

Павлин. Только что от всех знакомых господ неудовольствия.

Чугунов. Да ведь мы никого не обидели: нам все отказывают, еще ни одного дела не выиграли.

Павлин. Так ведь убытку много: проторы платим да подьячих кормим.

Чугунов. Кто ж их кормить-то будет? Ведь и они кушать хотят, люди тоже.

Павлин. Не считаю я их за людей, сударь.

Чугунов. Напрасно. Ведь и я подьячий, Павлин Савельич.

Павлин. Знаю-с.

Чугунов. А знаете, так будьте поучтивее. У меня таких-то хамов, как вы, полтора ста животов было.

Павлин. Было, да прошло.

Чугунов. Да, прошло; был барином, а теперь вот сутягой стал да холопские разговоры слушаю.

Павлин. Нельзя и не говорить; поневоле скажешь, коли вы барышню только смущаете. Можно вам теперь, сударь, кляузы-то бросить и опять барином зажить: золотое дело имеете.

Чугунов. Имею.

Павлин. По милости нашей барышни у госпожи Купавиной всем имением управляете, – ведь это легко сказать! Да оно и видно: и домик обстроили, и лошадок завели, да и деньги, говорят...

Чугунов. Заговорили уж, позавидовали!

Павлин. Нет, что ж, давай Бог, наживайтесь!

Чугунов. Да и наживусь, и наживусь. Разговаривай еще! Посмотрю, что ль, я на кого! Я видал нужду-то, в чем она ходит. Мундир-то мой помнишь, давно ль я его

Волки и овцы. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru снял? Так вытерся, что только одни нитки остались; сарафан ли это, мундир ли, не скоро разберешь.

Павлин. Барыня молодая, добрая, понятия ни об чем не имеют; тут коли совесть не зазрит...

Чугунов. Зачем же ты совесть-то? К чему ты совесть-то приплел? В философию пускаться тебе не по чину...

Павлин (взглянув в окно). Барышня идут. (Уходит.)

Корнилий в белом галстухе и белых перчатках выходит из гостиной, открывает обе половинки дверей и становится слева.

Явление третье

Чугунов встает со стула и становится недалеко от двери в гостиную, за ним по линии к выходной двери становятся: подрядчик, потом староста, потом маляр и столяр. Мурзавецкая одета в черную шелковую блузу, подпоясанную толстым шелковым шнурком, на голове кружевная черная косынка, которая, в виде вуаля, до половины закрывает лицо, в левой руке черная палка с белым, слоновой кости, костылем. Проходит медленно и не глядя ни на кого от дверей передней в гостиную. Все стоящие в зале поочередно целуют ее правую руку. За ней, в двух шагах, проходит, опустя глаза в землю, Глафира, одета в грубое черное шерстяное платье. Потом две приживалки, одетые в черное. Павлин идет с левой стороны Мурзавецкой и, почтительно согнувшись, несет на руке что-то вроде черного плаща. Корнилий, пропустив всех, входит в гостиную и затворяет двери.

Явление четвертое

Чугунов, подрядчик, староста, маляр, столяр, потом Павлин.

Староста. Ах, матушка! Дай ей, Господи! Создай ей, Господи!.. И костылек-то все тот же.

Подрядчик. Разве помнишь?

Староста. Да как не помнить? Тоже, как крепостными-то были...

Подрядчик. Так хаживал по вас?

Староста. Еще как хаживал-то!

Выходит Павлин.

Павлин. Не в час, господа, пришли.

Чугунов. Что так?

Павлин. И докладывать-то не смею. (Чугунову.) Наказанье нынче, сударь Вукол Наумыч, с прислугой. Сливки вскипятить не умеют, либо не хотят, что ли. Только и твердишь, чтоб пенек как можно больше, потому барышня страсть их любят. В такой малости не хотят барышне удовольствия сделать, ну и гневаются.

Староста. Что же теперича нам?

Павлин. А как-нибудь на неделе, что там Бог даст.

Маляр. Ходишь, ходишь, только маета одна.

Павлин. Ну, уж будет! Поговорил и довольно! Ласково я с вами говорю или нет? Так вы грубого слова не дожидайтесь.

Столяр. Только и всего? С тем, значит, и идти?

Павлин. Чего ж тебе? Угощенья для вас не припасено. (Подрядчику.) До приятного

Волки и овцы. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
свидания, господин Стропилин. (Прочим.) Ну, так прощайте, добрые люди!

Подрядчик, староста, маляр и столяр уходят.

Вам, сударь, в столовой фриштыкать приготовят.

Чугунов. Дай-ка табачку-то!

Павлин (подавая табакерку). Пожалуйте. Уж придется вам повременить, потому барышня Аполлона Викторыча дожидаются.

Чугунов. Где же он?

Павлин. Одно место у них. Просто срам, сударь! В городе-то стыдятся; так возьмут ружье, будто за охотой, да на Раззорихе, в трактире и проклажаются. И трактиришко-то самый что ни есть дрянной, уж можете судить, – в деревне, на большой дороге заведение, на вывеске: «Вот он!» написано. Уж так-то не хорошо, что и сказать нельзя. Дня по два там кантуют, ссоры заводят, – и что им там за компания! Барышня уж послали буфетчика Власа, велели их домой привезти.

Чугунов. А что ему дома-то делать?

Павлин. Барышня хотят их установить и в хороший круг ввести; в гости с ними хотели сегодня ехать и даже все новое им платье приказали шить.

Чугунов. Уж не женить ли хотят?

Павлин. Похоже на это-с.

Чугунов. Жених завидный.

Павлин. Вот теперь тоже Евлампия Николаевна вдовеют, господин Лыняев тоже холостой.

Чугунов. Обо всех-то у матушки Меропы Давыдовны забота.

Павлин. Нельзя же-с. И ах, как они чудесно рассуждают! Евлампия Николаевна богаты очень – значит, им можно и небогатого жениха, только б молодого, вот как наш Аполлон Викторыч; Михаил Борисыч Лыняев тоже богаты и уж в летах, – для них теперь на примете есть барышня, княжеского рода; немолодая, это точно-с, и в головке у них словно как дрожание, а уж так образованы, так образованы, что сказать нельзя-с. (Взглянув в окно.) Да вот, должно быть, барина привезли.

Чугунов. Так я в столовую. (Уходит.)

Входят: Мурзавецкий, одет в черном сюртуке, застегнутом на все пуговицы, панталоны в сапоги, на голове фуражка с красным околышем и с кокардой, Влас, с ружьем, патронташем, ягдташем и арапником.

Явление пятое
Мурзавецкий, Павлин, Влас.

Мурзавецкий (не снимая фуражки). Ма тант у себя?

Павлин. У себя-с.

Мурзавецкий. Ох, уж эта охота мне! Устал, братец. А что делать-то! Страсть! Жить без охоты не могу. Халат теперь, да спать завалиться. (Хочет идти в свою комнату.)

Павлин. Нет уж, извольте здесь подождать, так приказано.

Мурзавецкий садится у окна.

Влас. С рук на руки, Павлин Савельич, и барина, всю сбрую, и амуницию.

Павлин (заглянув в ягдташ). В ягдташе-то, сударь, не то что дичи, а и перышков-то нет.

Мурзавецкий. Незадача, братец, дьявольская незадача. Выход нехорош был, вернуться б надо; заяц дорогу перебежал, какая уж тут охота! Что ни приложусь, паф! – либо пудель, либо осечка.

Павлин (Власу). Снеси к барину в комнату, положи осторожнее!

Влас уходит.

Мурзавецкий (растворяя окно). Фу, духота какая! (Высовывается в окно и свищет.) Тамерлан! Ах, проклятый! Ну, погоди ж! Человек, приведи сюда Тамерлана да подай мне арапник!

Павлин. Нет уж, этого ни под каким видом нельзя: не приказано-с. И какой же это Тамерлан? Нешто такие Тамерланы бывают? Уж много сказать про него, что Тлезор, и то честь больно велика; а настоящая-то ему кличка Шалай.

Мурзавецкий. Много ты понимаешь!

Павлин. Да я всю его родословную природу знаю. Окромя что по курятникам яйца таскать, он другой науки не знает. Его давно на осину пора, да что и на осину-то! Вот, Бог даст, осень придет, так его беспременно, за его глупость, волки съедят. Недаром мы его волчьей котлеткой зовем. А вы бы, сударь, фуражку-то сняли, неравно барышня войдут.

Мурзавецкий (снимая фуражку). Не твое дело; ты знай свое место! Я разговаривать с вашим братом не люблю.

Павлин. Слушаю-с.

Мурзавецкий. Фу, черт возьми, что это мне как будто не по себе, нездоровится что-то? Ноги, должно быть, промочил в болоте. (Громко.) Человек, водки!

Павлин. Здесь, сударь, не в раззорихинском трактире.

Мурзавецкий. Ну, что же, что не в раззорихинском трактире, ну, что же?

Павлин. А то, что здесь не подадут-с.

Мурзавецкий. Ну, пожалуйста, Павлин Савельич, ну, будь другом, ну, я тебя прошу. Не в службу, а в дружбу, братец, понимаешь?

Павлин. Вот то-то же, сударь.

Мурзавецкий. Право, так что-то фантазия пришла. Павлин Савельич, я с тобою буду откровенен! адски хочется, братец.

Павлин. Уж, видно, нечего с вами делать. (Уходит.)

Из гостиной входит Глафира и идет к коридору.

Явление шестое
Мурзавецкий, Глафира, потом Павлин и Влас.

Мурзавецкий. Кузина, удостойте взглядом! Глазки-то, фу! Все отдашь!

Глафира. Что вам угодно?

Волки и овцы. Александр Николаевич Островский ostrovskya1alexander.ru
Мурзавецкий. Что мне угодно? Вот странно! Мне угодно расцеловать вас, но...

Глафира. Вы глупы.

Мурзавецкий. Пардон, мадемуазель!

Глафира. Adieu, monsieur! (Хочет идти.) [1]

Мурзавецкий. Пойдите! Нет, в самом деле, ма тант иррите? [2]

Глафира. Как вы дурно говорите по-французски!

Мурзавецкий. Ничего, по нашей губернии сойдет.

Глафира. Да, я не думаю, чтоб она была довольна вами. (Хочет идти.)

Мурзавецкий. Атанде! Поклон.

Глафира. От кого?

Мурзавецкий. От Лыняева.

Глафира. Благодарю вас. Что это ему вздумалось?

Мурзавецкий. На охоте встретились, денег у него занял, черт его возьми!
Шуры-муры завели? Ну, что уж, признавайтесь! А еще важность на себя напускаете.

Глафира, пожав плечами, уходит. Входят Павлин и Влас с подносом, на котором
рюмка водки и закуска.

Павлин. Извольте кушать поскорее, а то, чего доброго, барышня выйдут.

Мурзавецкий (выпив и закусив). Фу! Кабачная водка, собачья закуска! (Власу.)
Пошел!

Влас уходит.

Павлин. Какая есть, и за ту спасибо скажите, сударь!

Мурзавецкий. Что ты важничаешь! Точно какое одолжение мне сделал. Я тебе
приказал, ты мне подал, вот и все. Смел бы ты не подать.

Павлин. Хорошо-с, так и будем знать.

Мурзавецкий. Хам и важничает – это смешно даже.

Входит Мурзавецкая.

Явление седьмое
Мурзавецкий, Мурзавецкая, Павлин.

Мурзавецкая. Что ты расселся? Не видишь? (Поднимая костыль.) Встань!

Мурзавецкий. Ах, пардон, ма тант! Я так, что-то не в духе сегодня, не в
расположении.

Мурзавецкая. А очень мне нужно! (Павлину.) Поди затвори двери; и не принимать
никого, пока я не прикажу.

Павлин (подавая кресло). Слушаю-с. (Уходит.)

Мурзавецкая (указывая на стул). Вот теперь садись, когда приказывают.

Мурзавецкий. О, ма тант, не беспокойтесь.

Мурзавецкая. Да что не беспокоиться-то? Будешь вертеться передо мной, как бес; терпеть не могу. (Стучит палкой.) Садись!

Мурзавецкий садится.

Долго ты меня будешь мучить да срамить?

Мурзавецкий (с удивлением). Что такое? Я, ма тант, ваших слов не понимаю.

Мурзавецкая. А то, что ты шляешься по трактирам, водишься с мужиками – ссоры у вас там... Мурзавецкому-то это прилично, а?

Мурзавецкий. Вот превосходно, вот превосходно! Однако ж меня ловко оклеветали перед вами.

Мурзавецкая. Где уж клеветать; про тебя и правду-то мне сказать, так люди стыдятся. Да чего и ждуть от тебя? Из полка выгнали...

Мурзавецкий. Позвольте, ма тант!

Мурзавецкая. Молчи! Уж не болело б у меня сердце, кабы за молодечество за какое-нибудь: ну, растрать ты деньги казенные, проиграй в карты, – все б я тебя пожалела; а то выгнали свои же товарищи, за мелкие гадости, за то, что мундир их мараешь.

Мурзавецкий. Но позвольте же!

Мурзавецкая. Куда как хорошо, приятно для всей нашей фамилии!

Мурзавецкий. Но позвольте же в оправдание... два слова.

Мурзавецкая. Ничего ты не скажешь, – нечего тебе сказать.

Мурзавецкий. Нет, уж позвольте!

Мурзавецкая. Ну, говори, сделай такую милость!

Мурзавецкий. Судьба, ма тант, судьба; а судьба – индейка.

Мурзавецкая. Только?

Мурзавецкий. Судьба – индейка, я вам говорю, Вот и все.

Мурзавецкая (покачивая голову). Ах, Аполлон, Аполлон! Если жалеть тебя и любить как следует, так ведь с ума сойдешь, глядя на тебя. Вот что ты мне скажи: совладать-то с собой ты можешь али нет, – ну, хоть ненадолго!

Мурзавецкий. Я-то, я-то с собой не совладаю? Вот это мило! Покорно вас благодарю.

Мурзавецкая (не слушая его). Ведь если б ты был хоть немного поприличнее, я бы тебе и службу достала, и невесту с хорошим приданым.

Мурзавецкий. Ма тант, ручку! (Целует руку у Мурзавецкой.) Мерси!

Мурзавецкая. Только уж чтоб ни-ни, чтоб и духу этого не было!

Мурзавецкий. Что вы мне говорите! Как будто я не понимаю, я очень хорошо понимаю. Дурачусь, а коли вам угодно, так хоть сейчас – ни капли, абсолюман. [3]

Мурзавецкая. Не верю.

Мурзавецкий. Пароль донёр, – честное слово благородного человека. [4]

Мурзавецкая. Давно это слово-то я слышала.

Мурзавецкий (встает). Ну, хотите пари, пари, ма тант, какое вам угодно?

Мурзавецкая. Нет, уж я лучше без пари, я вот не пушу тебя никуда из дому да выдержу хорошенько.

Мурзавецкий (глядя в окно). Все, что вам угодно, ма тант...

Мурзавецкая. Выезжать ты будешь только со мной, и вот сегодня же.

Мурзавецкий (в окно, ударяя ладонью себя по груди). Тамерлан, сотé, сотé! [5]

Мурзавецкая. Полоумный! Что ты, опомнись! С грязными-то лапами в окно!

Мурзавецкий. Пардон! (В окно.) Куш, куш, анафема!

Мурзавецкая. Опомнись, опомнись! Сядь, сию минуту сядь!

Мурзавецкий. Ах, ма тант, вы не понимаете: собаке строгость нужна, а то бросить ее, удавить придется.

Мурзавецкая (стуча палкой). Шалопай! Кому я говорю?

Мурзавецкий. Сейчас, ма тант, к вашим услугам. (В окно.) Куш, говорят тебе! Где арапник? (Громко.) Человек, подай арапник!

Мурзавецкая (берет его за руку и сажает). Арапник-то нужен для тебя. Об чем я тебе говорила, ты слышал, слышал?

Мурзавецкий. Ах, ма тант, как меня этот пес расстроил!

Мурзавецкая. Ну, вот тебе мой приказ: поди выпишись, а вечером к невесте поедем! Оденься хорошенько, к Евлампии Николаевне поедем!

Мурзавецкий. Боже мой, как я влюблен-то в нее! Уж это... уж это... тут, ма тант, слов нет. Мерси, мерси! Вот за это мерси! (Целует у нее руку.)

Мурзавецкая. Поди спать!

Мурзавецкий (идет к двери, потом возвращается). Доне муа де ляржан! [6]

Мурзавецкая. Не считаю нужным.

Мурзавецкий. Так прикажите принести!

Мурзавецкая. Чего еще?

Мурзавецкий. Енпё, маленький флакончик и закусить. Вообразите, вчера до ночи по болотам; страсть, ма тант, куска во рту не было. [7]

Мурзавецкая. А кто пари предлагал?

Мурзавецкий. Ах, я оставлю; уж сказал, так и оставлю. Только не вдруг, сразу нельзя: знаете, бывают какие случаи, ма тант? Трагические случаи бывают. Вот один вдруг оборвал и, как сидел, так... без всяких прелюдий, просто даже без покаяния, ма тант. Вот оно что!

Мурзавецкая. Бог не без милости, может быть, и не умрешь.

Мурзавецкий (громко вскрикивает). Ах! (Хватается за грудь.) Ай, ай, ай! Вот оно!

Мурзавецкая. Что случилось?

Мурзавецкий (хватаясь за грудь). Насквозь, ма тант, от сердца да под лопатку.

Мурзавецкая. Пройдет, ничего.

Волки и овцы. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Мурзавецкий (вскрикивает громче). Ой!.. Ох, ох! Точно кинжалом.

Мурзавецкая. Ну, ступай! Я прикажу, только уж в последний раз, слышишь?

Мурзавецкий. Уж не знаю, дойду ли до комнаты. Долго ль, в самом деле, умереть! Мне жизнь копейка, да ведь без покаяния, ма тант... (Уходит.)

Мурзавецкая звонит, входит Павлин.

Явление восьмое
Мурзавецкая, Павлин.

Мурзавецкая. Смотреть за Аполлоном Викторычем, чтоб ни шагу из дому! Вели людям сидеть в передней безвыходно! Тебе я приказываю, с тебя и спрошу.

Павлин. Осмелюсь доложить, сударыня, они в окно даже иногда...

Мурзавецкая. Убери все платье! Вели взять, будто почистить, да и не давай! В халате не уйдет.

Павлин. Осмелюсь доложить, сударыня, они и в халате, ежели к вечеру...

Мурзавецкая. Где он деньги берет?

Павлин. Заимствуются-с.

Мурзавецкая. У кого?

Павлин. У разных господ-с, которые знакомые, вот у господина Лыняева и у прочих. Осмелюсь вам доложить, сударыня, ни одного гостя не пропускают, чтоб не попросить.

Мурзавецкая. Нет, уж терпенья моего не хватает!.. Женю я его... Уж суди меня Бог, а я его женю.

Павлин. Чего бы лучше-с!

Мурзавецкая. Что это за народ был у крыльца и здесь?

Павлин. За получением-с; давно ждут, сударыня-с.

Мурзавецкая. Ну, пусть еще подождут.

Павлин. Одолеют, сударыня, беспокойство для вас.

Мурзавецкая. А что мне беспокоиться-то? У меня нужды не бывает, – мне на нужду посылается, сколько нужно. Что ты смотришь? Да, сколько нужно, столько и пошлетя: понадобится мне тысяча, будет тысяча, понадобится пятьдесят тысяч, будет и пятьдесят. А сказывал ли ты им, что кому я должна, я тех помню, я за тех молюсь; а кому заплатила, тех из головы вон?

Павлин. Сказывал, да понимать не хотят, – деньги требуют-с. Необразование, а при всем том и закоренелость.

Мурзавецкая. А ведь бывали примеры, Павлин, что за мои молитвы-то счастье посылается, барыши большие... Ну, что ж, коли им деньги нужны, так заплатим.

Павлин. Срок бы им какой назначить-с.

Мурзавецкая. Зачем срок? Что мне себя связывать! Отдам, вот и все тут. Я еще не знаю, сколько у меня денег и есть ли деньги, – да и копаться-то в них за грех считаю. Когда понадобятся... да не то что когда понадобятся, а когда захочу отдать, так деньги найдутся, стоит только пошарить кругом себя. И найдется ровно столько, сколько нужно. Вот какие со мной чудеса бывают. Да ты веришь аль нет?

Волки и овцы. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Павлин. Как же я смею не верить-с?

Мурзавецкая. Так об чем и разговаривать? Беспокоиться о долгах я не желаю. Куда торопиться-то? Почему мы знаем, может быть, так и нужно, чтоб они ждали, – может быть, им через меня испытание посылается?

Павлин. Это действительно-с.

Мурзавецкая. Позови ко мне Чугунова.

Павлин (у двери). Вукол Наумыч, пожалуйста к барышне. (Мурзавецкой.) Идут-с. (Уходит в переднюю.)

Входит Чугунов.

Явление девятое
Мурзавецкая, Чугунов.

Чугунов. С праздником, Меропа Давыдовна.

Мурзавецкая. Здравствуй, Вукол Наумыч! Садись.

Чугунов. Ручку позвольте, благодетельница! (Целует руку и садится.) Присылать изволили?

Мурзавецкая. Посылала. Дело у меня важное, Вукол, дело большое; третью ночь я об нем думаю, да не знаю, как расположиться-то на тебя, поверить-то тебе боюсь.

Чугунов. Да разве у меня совесть подыметя против благодетельницы..

Мурзавецкая. У тебя совести нет.

Чугунов. Нельзя совсем не быть, матушка-благодетельница. Все уж сколько-нибудь да есть.

Мурзавецкая (стучит костылем.) У тебя совести нет.

Чугунов. Ну, как вам угодно, как вам угодно, спорить не смею. Я только одно скажу: вы у меня после Бога..

Мурзавецкая. Лжешь.

Чугунов. И не знаю я за собой греха против вас.

Мурзавецкая. Потому что боишься меня, знаешь, что я могу тебя и с места теплого турнуть и из городу выгнать, – проказ-то немало за тобой; и придется тебе в волостные писаря проситься. Да ведь у меня недолго, я как раз.

Чугунов (встает и целует у ней руку). Нет уж, благодетельница, не лишайте ваших милостей!

Мурзавецкая. Садись!

Чугунов садится.

Дело вот какое: брат мой, Виктор Давыдыч, отец Аполлона, имел дела с Купавиным, с мужем Евлампии.

Чугунов. Деньги занимали у Купавина, а больше никаких дел не имели-с.

Мурзавецкая. Да, занимал, и Купавин ему давал. А вот перед смертью братец стал бумажный завод строить, и не хватило у него денег; Купавин обещал дать, да и не дал.

Волки и овцы. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Чугунов. Так точно-с.

Мурзавецкая. А если б Купавин не отказал?

Чугунов. Тогда ваш братец выстроили бы завод. Отчего ж на чужие деньги не выстроить?

Мурзавецкая. Да, выстроил бы и, по его расчету, за уплатой всех долгов нажил бы пятьдесят тысяч. Значит, виноват Купавин, что Аполлон нищий остался. Ну, надо правду сказать, Вукол, братец покойник прихвастнуть любил, я всегда ему только вполтину верила; так вот я теперь, может, и себя обижаю, а считаю за Купавиной только двадцать пять тысяч, а не пятьдесят.

Чугунов. Считать можно-с.

Мурзавецкая. Да и говорю везде, по всему городу славлю, что Купавины должны Аполлону, что они ограбили у меня племянника.

Чугунов. И говорить можно-с.

Мурзавецкая. «Можно» да «можно»! А чего нельзя-то, по-твоему?

Чугунов. Нельзя этих денег получить-с. Никто не обязан займы деньги давать-с, на это есть добрая воля. Хоть Купавин и не дал займы вашему братцу, а все-таки по закону взыскать с него за это ничего нельзя, потому что строят-то на свои...

Мурзавецкая. Ах ты, ворона! Да разве я глупей тебя? Разве я не понимаю, что по законам, по тем, что у вас в книгах-то написаны, тут долга нет. Так у вас свои законы, а у меня свои; я вот знать ничего не хочу, кричу везде, что ограбили племянника.

Чугунов. Ваша воля, вам запретить никто не может.

Мурзавецкая. Так ведь не сдуру же я. Как ты думаешь, а? Сдуру я, или у меня есть в голове что-нибудь?

Чугунов. Стало быть, есть.

Мурзавецкая. На совесть я на людскую надеюсь, все еще в совести людской не изверилась... Думаю: Евлампия женщина добрая, деликатная, не потерпит, чтоб про нее такой разговор был.

Чугунов. Полагаете, заплатит?

Мурзавецкая. Нет, не полагаю. Велики деньги, где ж заплатить! А мы мировую сделаем.

Чугунов. Сколько ж вы по мировой получить надеетесь?

Мурзавецкая. Ничего не хочу я получать; а женим Аполлона на ней, вот и квит. Из того только я и бьюсь, из того и сыр-бор загорелся, и разговор об долге пошел.

Чугунов (с испугом встает). Матушка, матушка!

Мурзавецкая. Чего ты испугался?

Чугунов. Ведь уж тогда вы, благотельница, все управление в свои ручки возьмете?

Мурзавецкая. Разумеется, возьму.

Чугунов. А я-то куда же, благотельница?

Мурзавецкая. А куда хочешь. Вот, очень мне нужно! Будет с тебя, нагрел руки-то.

Чугунов. Нет, матушка-благотельница, нет, разве малость самую. Мне вот к усадьбишке пустошь прикупить хочется, рядом продается, три тысячи просят.

Волки и овцы. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Мурзавецкая. Не жирно ли, Вукол?

Чугунов. И ни за чем бы я больше не погнался, на всю жизнь кусок хлеба, и кляузы брошу.

Мурзавецкая. Коли дело сделается, я тебе тысячу рублей дам, а остальные сам промышляй покуда, сколачивай как-нибудь, я тебе не судья. Только не больше; а две тысячи хоть и у Купавиной своруешь, так не бойся, ее не разоришь.

Чугунов. Только вы-то, благодетельница, не осудите, вы-то не осудите; а то никого мне не страшно, уж я себя не обижу.

Мурзавецкая. Ну, об тебе-то довольно толковать, ты меня-то послушай!

Чугунов. Слушаю, благодетельница.

Мурзавецкая. По-моему, всякая баба – дрянь, хоть ты ее золотом осыпь, все ей самой-то цена – грош. А Евлампия теперь с деньгами-то, пожалуй, очень высоко думает о себе: тот ей не пара, другой не жених.

Чугунов. Насчет этого я в их мысли проникнуть не могу-с.

Мурзавецкая. Я ведь девица старая, я мужчин разбирать не умею; может быть, Аполлон и в самом деле плохой жених; да, понимаешь ты, что я этого и знать не хочу; я своему родному добра желаю, а до нее мне и горя мало... так вот, если она заупрямится, надо нам с тобой, Вукол, придумать, чем пугнуть ее.

Чугунов. Будем придумывать, благодетельница.

Мурзавецкая. Ну, и думай! Как по-твоему, кому ты должен служить: мне или ей?

Чугунов. Никому, кроме вас, благодетельница.

Мурзавецкая. Вот и сослужи своей благодетельнице службу великую, избавь ее от заботы! Ведь иссушил меня племянничек-то.

Чугунов. Ничего-с, можно-с, не извольте беспокоиться. Я имею полную уверенность от Евлампии Николаевны, могу все дела вести и миром кончать.

Мурзавецкая. Ну, так что же?

Чугунов. Надо бы какой-нибудь счетец старый найти, или в книгах конторских нет ли каких расчетов, на чем вам претензию основать... да я поищу-с. Потом мы с Аполлоном Викторычем дело и кончим миром у мирового. Я какой вам угодно долг признаю, хоть во сто тысяч. Выдадут Аполлону Викторычу исполнительный лист, вот уж тогда дело будет крепко, таким документом пугнуть можно-с! Выходи замуж, а то, мол, разорю.

Мурзавецкая. Да, да, да... вот, вот, мне только того и нужно. Ну, да еще это дело впереди, может быть, и без того сладим. А заупрямится, так уж не взыщи... Что греха таить, я для своей родни криводушница.

Чугунов. А кто ж без греха-то? Кто похвалится, благодетельница?

Мурзавецкая. У Евлампии наличные деньги есть?

Чугунов. Как не быть, есть.

Мурзавецкая. Что ж она, забыла, что ли? Я ей не раз напоминала. Муж ее обещал дать мне тысячу рублей на бедных... да уж не помню, на словах он говорил или письмо было от него. «В завещании, говорит, я этих денег не помещаю, все равно, когда умру, вам жена моя заплатит». Кажется, было письмо. Ты смотрел в моих бумагах?

Чугунов. Раз пять пересматривал, на дом брал-с.

Мурзавецкая. Нет?

Волки и овцы. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Чугунов. Нет-с.

Мурзавецкая. Жаль. Не верить мне она не смеет, а все-таки, пожалуй, поморщится.

Чугунов. Так что же-с, можно-с...

Мурзавецкая. Что «можно»?

Чугунов. Да письмо найти, коли оно нужно-с.

Мурзавецкая. Ведь уж ты искал?

Чугунов. Искал, да не там, где надобно; сдуру-то только время потерял даром. (Вынимает из кармана письмо и подает Мурзавецкой.) Вот извольте, матушка-благодетельница, нашлось.

Мурзавецкая (прочитав про себя письмо). Его рука, его. Что такое? Уж не колдовство ли?

Чугунов. Как можно, благодетельница... грех этакий! Возьму ли я на свою душу?..

Мурзавецкая. А не колдовство, так не много лучше, – это подлог; за это Сибирь. (Отдает письмо Чугунову.)

Чугунов. Что это вы какие слова говорите! Зачем, благодетельница, такие слова говорить! Ну, что за подлог? Умное дело – вот как это называется. Такая воля была господина Купавина; а не все ли равно, что на словах, что на письме он ее выразил. А если без письма-то Евлампия Николаевна не поверит да денег не даст, так не больше ли тогда греха-то будет? И воля покойного не будет исполнена, и бедным на помин его доброй души ничего не достанется.

Мурзавецкая. А если я тебя обманула, если он не обещал мне?

Чугунов (хочет разорвать письмо). Так ведь вот... долго ли?

Мурзавецкая. Что ты, что ты! Постой! Подай сюда. (Берет письмо.)

Чугунов. Жаль, что мало, Меропа Давыдовна, – вот что надо сказать.

Мурзавецкая. Чего мало?

Чугунов. Да денег-то. Уж заодно бы...

Мурзавецкая. Да что ты, пропащий! Ведь только обещано.

Чугунов. То-то я и говорю; жаль, что мало обещано, а уж писать-то бы все одно.

Мурзавецкая. Разбойник ты начисто, Вукол, как погляжу я на тебя. Вот я бедным помогаю, так для них можно и душой покривить, грех небольшой; а ты, поди, и для своей корысти от такого баловства непрочь. (Прячет письмо в карман и грозит Чугунову.) Эй, Вукол, совесть-то, совесть-то не забывай, пуще всего! Ведь это дело уголовное.

Чугунов. Уголовное, благодетельница, уголовное.

Мурзавецкая. Сам, что ли?

Чугунов. Где уж самому! Руки трясутся... Племянник.

Мурзавецкая. Горецкий?

Чугунов. Он, благодетельница. Думали, ничего из парня не выдет, не учился нигде и грамоте едва знает, отдали частному землемеру в помощники, так все одно, что бросили... И вдруг какое дарование открылось! Что хотите дайте, точка в точку сделает.

Мурзавецкая. Введет он тебя в беду с этим дарованием-то.

Волки и овцы. Александр Николаевич Островский ostrovskya1alexander.ru
Чугунов. Побаиваюсь, благотельница.. А прогнать жаль, неровен час и
понадобится; не себе, так добрым людям услужить. (Взглянув в окно.) Кто-то
подъехал к вам. Уж вы меня отпустите! (Целует руку Мурзавецкой.)

Мурзавецкая. Прощай, Вукол, спасибо.

Чугунов. Коли опять что понадобится, только, благотельница, мигните, я всей
душой. (Уходит.)

Входит Павлин.

Павлин. Господин Лыняев с Анфусой Тихоновной подъехали.

Мурзавецкая. Проси!

Павлин уходит. Входят Лыняев и Анфуса.

Явление десятое
Мурзавецкая, Лыняев, Анфуса и Павлин у двери.

Лыняев. Ух! Здравствуйте!

Мурзавецкая (поцеловавшись с Анфусой). Здравствуй, телепень! Садитесь, гости
будете. Где ты эту красавицу-то поддел?

Лыняев. У гостиного двора Евлампия Николаевна навязала; она к вам заедет за ней.

Мурзавецкая (Анфусе). Тебе, сирота, чайку?

Анфуса. Да, уж бы, чайку бы уж..

Мурзавецкая (Павлину). Подай чаю Анфусе Тихоновне.

Павлин уходит.

(Лыняеву.) А кабы не поручение, ты бы и не заехал ко мне, пожалуй?

Лыняев. Не заехал бы сегодня, дел ведь у нас с вами никаких нет.

Мурзавецкая. Да не все по делу; а так, навестить старуху, побеседовать?

Лыняев. Ведь у нас одна беседа: ближних судить. А мне некогда сегодня критикой
заниматься, домой нужно.

Мурзавецкая. Ну, да как же! Деловой человек, важные занятия! А приедешь домой,
на диван ляжешь, я ведь знаю. Все диваны пролежал, поминутно пружины поправляют.

Лыняев. Положение-то горизонтальное больно заманчиво.

Павлин приносит на подносе чайник, чашку и сахарницу. Анфуса наливает и пьет
вприкуску.

Мурзавецкая (Анфусе). Вот тебе и работа, и пей сиди! (Лыняеву.) На что это
похоже, как ты разбух!

Лыняев. Сердце у меня доброе, и совесть чиста, вот и толстею. Да теперь похудею
скоро, забота есть.

Мурзавецкая. Вот редкость-то! Что за забота?

Волки и овцы. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Лыняев. Волка хочется поймать, травленого. На след никак не попаду.

Мурзавецкая. Ах, ты, судья праведный! Ну, дай Бог нашему теляти да волка поймати!

Лыняев. Завелся в нашем округе какой-то сутяга, что ни съезд, то две-три кляузы, и самые злостные. Да и подлоги стали оказываться. Вот бы поймать да в окружной!

Мурзавецкая. Ах, какой храбрый! А ты вот что скажи: отчего ты людям-то не кажешься, ни у кого не бываешь?

Лыняев. Боюсь.

Мурзавецкая. Что ты, маленький, что ли?

Лыняев. Кабы маленький, так бы не боялся: маленькому-то не страшно.

Мурзавецкая. Да чего, скажи на милость?

Лыняев. Женят.

Мурзавецкая. Вот страсть какая! Бобылем-то разве лучше жить?

Лыняев. Кому не страшно, а я боюсь до смерти, и уж где есть девицы, я в тот дом ни ногой.

Мурзавецкая. Как же ты ко мне-то едешь? Мы обе девицы: и я, и Глафира.

Лыняев. Ведь у вас монастырь: кротость, смирение, тишина.

Мурзавецкая. Ну, и нам тоже пальца-то в рот не клади! Так вот отчего ты людей-то боишься.

Лыняев. Да разве кругом нас люди живут?

Мурзавецкая. Батюшки! Да кто же, по-твоему?

Лыняев. Волки да овцы. Волки кушают овец, а овцы смиренно позволяют себя кушать.

Мурзавецкая. И барышни тоже волки?

Лыняев. Самые опасные. Смотрит лисичкой, все движения так мягки, глазки томные, а чуть зазевался немножко, так в горло и влечется. (Встает и берет шляпу.)

Мурзавецкая. Тебе всё волки мерещатся, – пуганая ворона куста боится. А меня ты куда ж? Да нет, уж лучше в волки запиши; я хоть и женщина, а овцой с тобой в одном стаде быть не хочу.

Лыняев. Честь имею кланяться! До свиданья, Анфуса Тихоновна. (Уходит.)

Мурзавецкая. Ну, вот приехал, а что умного сказал? Часто он у вас бывает?

Анфуса. Не то чтоб, а так уж... по соседству... известно уж...

Мурзавецкая. Любезничает с Евлампией-то?

Анфуса. Да уж... Где уж... куда уж...

Мурзавецкая. Что ж он у вас делает?

Анфуса. Да уж все... (Махнув рукой, зеваает.) Вот тоже.

Мурзавецкая. Он зевает, а ты, пожалуй, и вовсе спишь. Плохой ты сторож, надо тебе хорошего помощника дать.

Павлин (растворяя двери). Евлампия Николаевна.

Волки и овцы. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Входит Купавина.

Явление одиннадцатое
Мурзавецкая, Анфуса, Купавина.

Мурзавецкая. Здравствуйте, богатая барыня! Благодарю, что удостоили своим посещением!

Купавина. Я не редко бываю у вас, Меропа Давыдовна.

Мурзавецкая (сажает Купавину на свое кресло). Сюда, сюда, на почетное место!

Купавина. Благодарю вас. (Садится.)

Мурзавецкая. Как поживаете?

Купавина. Скучаю, Меропа Давыдовна.

Мурзавецкая. Замуж хочется?

Купавина. Куда мне торопиться-то? Мне уж надоело под чужой опекой жить, хочется попробовать пожить на своей воле.

Мурзавецкая. Да, да, да! Вот что? Только ведь трудно уберечься-то, коли женихи-кавалеры постоянно кругом увиваются.

Купавина. Какие женихи? Какие кавалеры? Я ни одного еще не видала.

Мурзавецкая. Полно, матушка! Что ты мне глаза-то отводишь? Я старый воробей, меня на мякине не обманешь!

Купавина. Так вы, значит, больше моего знаете.

Мурзавецкая. А Лыняев-то, Лыняев-то при чем у тебя?

Купавина. Не угадали! Ошиблись, Меропа Давыдовна. Что мне за неволя идти за Лыняева? Во-первых, он уж очень немолод, а во-вторых, совсем не такой мужчина, чтоб мог нравиться.

Мурзавецкая. Стар, стар для тебя. Хоть и выдешь за него, а что проку-то! Ни вдова, ни замужняя. Уж что Лыняев за муж? Распетушье какое-то.

Анфуса. А что же... уж... как же это, уж?..

Мурзавецкая. Ну вот, объяснять еще тебе? Я ведь девица, барышня. Вот свяжись с бабами разговаривать, не согреша, согрешешь.

Купавина. Нет, я хочу подождать.

Мурзавецкая. А я говорю: выходи!

Купавина. Вы советуете?

Мурзавецкая. Выходи, выходи!

Купавина. За кого?

Мурзавецкая. А за кого, об этом подумаем, на то Бог ум дал.

Анфуса. Да, да... уж...

Мурзавецкая. Что ты дакаешь-то? Дал Бог ум, да не всякому; тебя обидел, не дал, – не взыщи.

Анфуса (махнув рукой). Ну, ну, уж вы... сами; а я... что уж!..

Мурзавецкая. Ты за старика Купавина-то шла, уж не скажешь, что по любви, а за

Волки и овцы. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
богатство за его, за деньги.

Купавина. Да ведь вы...

Мурзавецкая. Да что: «вы»! Уж ау, матушка! Продала себя. А это нехорошо, грех.

Купавина. Да ведь вы сами сосватали, а я разве понимала тогда?

Мурзавецкая. Да ты не ершись, я тебе не в укор говорю, я об душе твоей забочусь. Тебе теперь что нужно для очистки совести? Полюбить нужно небогатого, выйти за него замуж, да и наградить богатством-то своим любимого человека, – вот ты с грехом и расквитаешься.

Купавина. Легко сказать: полюбить.

Мурзавецкая. В твои года долго ли полюбить, только не будь разборчива. Ты молода, так ищи молодого: тебе хочется на своей воле жить, самой большой быть, – так найди бедного, он по твоей дудочке будет плясать; у тебя ума-то тоже не очень чтоб через край, так выбирай попроще, чтоб он над тобой не возносился. Так, что ли, я говорю?

Купавина. Я с вами согласна, да где ж найдешь такого?

Мурзавецкая. Найдем, свет-то не клином сошелся. Я найду, я найду. Только уж ты, коли добра себе желаешь, сама не мудри, а на меня расположись. Ты меня слушай, благо мне забота об тебе припала. Не обо всякой ведь я тоже хлопотать-то буду, а кого люблю.

Купавина. Благодарю вас.

Мурзавецкая. Ох, милые вы мои, пользуйтесь моей добротой, пока я жива; умри я, так вот что надо сказать, матери родной лишитесь.

Анфуса (утирая слезы). Уж что уж... уж...

Мурзавецкая (Анфусе). Полно ты плакать-то, погоди, я еще жить хочу. (Купавиной.) А вот что, красавица ты моя, о себе-то ты помнишь, а мужа-то поминаешь ли как следует?

Купавина. Поминаю.

Мурзавецкая. То-то, поминаешь! А надо, чтоб и другие поминали; бедных-то не забывай, их-то молитвы доходчивее.

Купавина. Да я помню... вы говорили мне... я привезла.

Мурзавецкая. Что это ты, словно сквозь зубы цедишь? Этак мне, пожалуй, и не надобно. Разве так добро-то делают? Не свои я тебе слова-то говорила.

Купавина. Да я вам верю.

Мурзавецкая. Видно, плохо веришь. Аль думаешь, что я у тебя выханжить хочу? Так на вот, посмотри! (Вынимает из кармана письмо.)

Купавина. Да не нужно, уверяю вас.

Мурзавецкая. Нет, матушка, чужая душа потемки. (Подает ей письмо.) Чего боишься-то, возьми.

Купавина берет письмо.

Кто это писал?

Купавина. Муж мой.

Мурзавецкая. А что писано?

Купавина. То самое, о чем вы говорили!

Мурзавецкая. Ну, так вот, ты и верь мне!

Купавина. Да я никогда и не сомневалась. (Открывает сумку, кладет туда письмо и вынимает деньги.) Вот извольте!

Мурзавецкая. Что это ты мне даешь?

Купавина. Деньги.

Мурзавецкая. Да я и браться-то за них не люблю; как-то гадко мне в руках-то держать эту мерзость.

Купавина. Считите по крайней мере.

Мурзавецкая. Вот, нужно очень! Не мне эти деньги, нечего мне об них и руки марать! Коли не хватит, так не меня ты обманула, а сирот; лишние найдутся, так лишний человек за твоего мужа помолится. Ты еще, пожалуй, расписку попросишь, – так не дам, матушка; не бойся, других не потребую.

Купавина. Куда ж мне их деть?

Мурзавецкая. А положи на столик, в книгу.

Купавина (положив в книгу деньги). Тетя, не пора ли нам?

Анфуса. Да я... что ж я... я вот...

Купавина (Мурзавецкой). У вашего племянника есть какая-то претензия на моего мужа, я слышала?

Мурзавецкая. А ты беспокоишься? напрасно. Тебе какое дело, что твой муж его ограбил? Нищий, так нищий, ну, и проси милостыню да с горя по кабакам шлейся! Вот как живи, так богата будешь. Аль ты не такая? Ну, хорошо, я сама к тебе заеду, потолкуем об этом; скоро, скоро заеду.

Купавина. Так до свидания, Меропа Давыдовна.

Мурзавецкая. Прощайте, дорогие гости! (Смотрит на Купавину.) Добрая у тебя душа, Евлампешка! Дай тебе Бог счастья (шепотом), мужа хорошего! Ведь вот я как тебя люблю, словно ты мне дочь. (Анфусе.) Ишь ты, кутаешься, точно в Киев.

Купавина (в дверях). Прощайте!

Мурзавецкая (в дверях). Велите кучеру поосторожней ехать!

Анфуса. Уж мы, уж... я уж...

Купавина и Анфуса уходят. Мурзавецкая вынимает деньги из книги и считает: часть кладет в книгу, а остальные себе в карман. Садится в кресло и звонит. Входят Павлин и Глафира.

Явление двенадцатое
Мурзавецкая, Глафира, Павлин.

Павлин. Что прикажете, сударыня?

Глафира стоит подле Мурзавецкой, опустя глаза в землю.

Мурзавецкая (Павлину). Слушай хорошенько! Я передумала, надо расплатиться со всеми. Люди не ангелы, что их искушать-то. Посмотри в книге, нет ли денег.

Волки и овцы. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Павлин (раскрыв книгу). Есть, сударыня.

Мурзавецкая. Возьми!

Павлин берет деньги.

Много ли мы должны?

Павлин. Без малого пятьсот рублей-с.

Мурзавецкая. А у тебя сколько?

Павлин (сосчитав). Так точно-с.

Мурзавецкая. Раздай всем. Ступай!

Павлин. Слушаю-с. В газетах надо этакое-то оказии печатать. (Уходит.)

Мурзавецкая. Глафира, я хочу дать тебе послушание.

Глафира. Приказывайте, матушка.

Мурзавецкая. Я тебя свезу сегодня к Купавиной; подружись с ней, да в душу-то к ней влезь; она женщина не хитрая; а тебя учить нечего.

Глафира. Слушаю, матушка.

Мурзавецкая. Да коли увидишь, что Мишка Лыняев обходит ее, так не давай им любезничать-то, а постарайся разбить, очерни его перед ней, – а Аполлона хвали!

Глафира. О, с удовольствием, матушка, с удовольствием.

Мурзавецкая. Да и сама-то на Лыняева глаз не закидывай! У меня для него готова невеста.

Глафира. Мои мечты другие, матушка; моя мечта – келья.

Мурзавецкая. Этот кус не по тебе.

Глафира. Я о земном не думаю.

Мурзавецкая (подняв глаза к небу). Ах, окаянная я, окаянная! (Глафире.) Глафира, я окаянная. Что ты на меня смотришь? Да, вот, я окаянная, а ты как думала? Кажется, и не замолить мне, что нынче нагрешила. Бабу малоразумную обманула, – все равно, что малого ребенка. И обедать не буду, буду поклоны класть. И ты не обедай, постись со мной! Сейчас, сейчас в образную! И ты, и ты... (Встает.)

Глафира берет ее под правую руку.

Веди меня! (Идет, как бы совсем обессилев.) Согрешила я, окаянная, согрешила.

Действие второе

Лица

Купавина.

Анфуса.

Чугунов.

Лыняев.

Мурзавецкая.

Мурзавецкий.

Глафира.

Изящно меблированная комната в усадьбе Купавиной. Дамский письменный стол со всем прибором; в глубине растворенная дверь в залу; две двери по сторонам.

Явление первое

Купавина выходит из боковой двери с правой стороны, потом Чугунов.

Купавина (сядась у стола). Кто там в зале?

Чугунов (из залы). Мы, Евлампия Николаевна, мы с Анфусой Тихоновной, в дурачки играем, стариковское наше дело.

Купавина. Подите сюда, Вукол Наумыч!

Чугунов входит.

Садитесь!

Чугунов. Благодарю покорно. Сяду, сяду-с. (Садится.)

Купавина. Какие дела были у моего мужа с племянником Мурзавецкой?

Чугунов. С отцом его были расчеты какие-то.

Купавина. Меропа Давыдовна везде кричит, что мы ее племянника ограбили.

Чугунов. Строгая они дама-с, Меропа Давыдовна-с.

Купавина. Что же им нужно от меня?

Чугунов. Да вам зачем беспокоиться, головку утруждать! Я-то при чем у вас? Даром, что ль, я жалованье-то получаю?

Купавина. Для меня этот разговор очень неприятен. Кончите с ними как-нибудь поскорее!

Чугунов. Миром прикажете?

Купавина. Я ведь не понимаю; а, конечно, миром лучше всего.

Чугунов. Слушаю-с. А как насчет денег, если понадобятся?

Купавина. У меня денег наличных немного.

Чугунов. Вот это жалко-с. Такая вы знаменитая у нас барыня, и как вы себя стесняете в деньгах, даже удивительно.

Купавина. Да где ж я их возьму?

Чугунов. Помилуйте! Да прикажите мне, сколько вам угодно, столько у вас и будет.

Купавина. Так найдите мне денег, Вукол Наумыч!

Чугунов. Да я и искать не стану, только одно ваше имечко золотое нужно. Имечко вам подписать, только и труда, вот и деньги.

Купавина. Что подписать? Я вас не понимаю.

Чугунов. А вот я вам сейчас на деле объясню-с. Извольте перышко взять. Вот и бумажка кстати нашлась. (Вынимает из кармана вексельную бумагу.)

Купавина. Какая странная бумага!

Волки и овцы. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Чугунов. Да-с, чудных таких понаделали. Извольте писать тут внизу: «Вдова полковника, Евлампия Николаевна Купавина».

Купавина пишет.

Только и всего-с, вот и деньги. (Засыпает песком.) Случится кому платить, тогда напишем вот тут на бумажке пятьсот рублей или тысячу, и готово.

Купавина. Понимаю теперь.

Чугунов несколько раз робко берется за вексель, но при взгляде Купавиной отдергивает руку.

Что вы делаете?

Чугунов. Да не затерялся бы как.

Купавина. Так уберите.

Чугунов. Куда прикажете?

Купавина. Да куда хотите. Возьмите к себе в портфель!

Чугунов. Как вы изволили сказать-с? Мне к себе взять?

Купавина. Ну да. Что же вы сомневаетесь?

Чугунов. Я-то не сомневаюсь, да как же вы-то-с? А коли ваше такое расположение, так покорнейше вас благодарю. (Берет вексель.)

Купавина. За что вы меня благодарите?

Чугунов. Да как же, такая награда-с.

Купавина. Какая награда?

Чугунов. А доверие чего стоит-с? Кто ж это сделает у нас в губернии? Да ни один человек. Чугунову в руки бланк! Конечно, все мы люди, Евлампия Николаевна, все человеки, бедность, семья... а уж и ославили: «Вуколка плут, Вуколке гроша поверить нельзя». А вы вот что! На-ка!

Купавина. Хорошо, хорошо! Только, пожалуйста, разочтитесь поскорей с Мурзавецкими.

Чугунов. Что Мурзавецкие! Мизинца они вашего не стоят. А то плут! Ну, плут! а ведь тоже чувство. (Ударяет себя в грудь.) Вот они, слезы-то. Они даром не польются. (Целует руку у Купавиной.) Ну, как я теперь против вас какую-нибудь такую... большую подлость сделаю! Это мне будет очень трудно и очень даже совестно!

Купавина. Пойдите-ка! Кажется, кто-то есть в зале.

Чугунов. Гости, должно быть-с. Я в конторе буду-с. (Уходит налево.)

Купавина (подойдя к двери в залу). Тетя, с кем вы там разговариваете?

Входит Лыняев.

Явление второе
Купавина, Лыняев.

Волки и овцы. Александр Николаевич Островский ostrovskya1alexander.ru
Купавина. А, это вы, Михайло Борисыч!

Лыняев. Здравствуйте! Давно вы из городу?

Купавина. Только приехали.

Лыняев. А я вас на почте прождал. Что бы Вам потрудиться заглянуть туда! А то заставляете две версты крюку делать, заезжать к вам.

Купавина. Извините! Я не ждала ни от кого писем.

Лыняев. А не мешало бы полюбопытствовать.

Купавина. Разве есть?

Лыняев. От друга, от Василья Иваныча Беркутова два письма; одно ко мне, другое к вам. (Отдает Купавиной письмо.)

Купавина (положив письмо на стол). Вы уж, вероятно, свое прочитали? Что же он пишет?

Лыняев. Да вы свое-то не откладывайте, прочтите, не церемоньтесь!

Купавина. Успею, успею. К чему торопиться, Михайло Борисыч!

Лыняев. Прочитайте, прочитайте! Приятную новость узнаете.

Купавина. Будто?

Лыняев. Он сегодня или завтра приедет, в усадьбу. Вот радость-то!

Купавина. Для кого?

Лыняев. Для меня, да и для всех, я думаю. Разве вы-то?..

Купавина. Да уж не так, как вы. Вы меня простите, Михайло Борисыч, если я не побегу встречать его за пять верст.

Лыняев. Бедный друг мой! Чует ли его сердце, какое равнодушие ожидает его здесь!

Купавина. Что ж делать-то, где ж мне взять много-то радости? Сколько есть.

Лыняев. Зачем вы в город ездили?

Купавина. Тысячу рублей денег свезла.

Лыняев. Кому?

Купавина. Меропе Давыдовне.

Лыняев. Да полноте! Зачем, с какой стати?

Купавина. На бедных, по приказанию покойного мужа.

Лыняев. Да никакого приказания не было, никогда он и не думал приказывать. Он терпеть не мог Мурзавецкую и называл ее ханжой. Как вас обманывают-то, ай, ай!

Купавина. Вот вы всегда так несправедливы к Меропе Давыдовне. Когда вы перестанете обижать ее, эту почтенную женщину? Вот посмотрите! (Подает ему письмо, которое взяла у Мурзавецкой.)

Лыняев (рассматривая письмо). Ну, что хотите со мной делайте, а это подлог!

Купавина. Что вы, что вы, Михайло Борисыч! Возможное ли это дело?

Лыняев (с жаром). Кто у нее эти штуки работает?

Купавина. Да перестаньте! Мне дико слушать.

Лыняев. Позвольте мне взять это письмо ненадолго.

Купавина. Возьмите, только, пожалуйста, не делайте скандала и не ссорьте меня с Меропой Давыдовной; у меня с ней есть серьезное дело.

Лыняев. Никакого дела, уверяю вас. Я все ваши дела знаю.

Купавина. Не у меня, а у моего мужа были какие-то счета с Мурзавецким, с братом ее.

Лыняев (с жаром). Да никаких счетов и не бывало; это опять какая-нибудь подьяческая кляуза.

Купавина. Да успокойтесь, это до вас не касается. Я поручила Вуколу Наумычу покончить это дело миром; я уж и подписала.

Лыняев. Ах, Боже мой! Не подписывайте вы ничего, не посоветовавшись со мной! Что вы подписали?

Купавина. Не бойтесь! Что я подписала, там ничего не было.

Лыняев. Да почему вы знаете, что ничего не было?

Купавина. Вот мило! У меня глаза есть.

Лыняев. Да что вы с вашими глазами разберете! Тут надо быть юристом.

Купавина. Ах, это смешно наконец. Зачем юристом, когда ничего нет.

Лыняев. Как «ничего»?

Купавина. Так, ничего, чистая бумага.

Лыняев. Час от часу не легче! Да вы подписали бланк.

Купавина. Какой бланк?

Лыняев. Вексель. Там, где ничего-то нет, могут написать что угодно и взыскать с вас пятьдесят, сто тысяч.

Купавина. Какие страсти! Как вы дурно думаете о людях! Да Чугунов со слезами благодарил меня за доверие. Он плакал, говорю я вам.

Лыняев. И крокодилы плачут, а все-таки по целому теленку глотают.

Купавина. Так с меня непременно взыщут сто тысяч?

Лыняев. Хоть не сто тысяч, а что-нибудь взыщут непременно.

Купавина. Да почему вы знаете?

Лыняев. На это я вам отвечу русской сказкой: «Влез цыган на дерево и рубит сук, на котором сидит. Идет мимо русский и говорит: «Цыган, ты упадешь!» – «А почему ты знаешь, – спрашивает цыган, – разве ты пророк?»»

Купавина. Это глупо, глупо, Михайло Борисыч. Кто ж станет рубить тот сучок, на котором сидит?

Лыняев. Нет, очень умно. Я на каждом шагу вижу людей, которые точно то же делают, что этот цыган. И уж сколько раз мне приходилось быть таким пророком.

Купавина. Я понимаю, куда клонится этот разговор, – вам хочется попасть на свою любимую тему – что женщины ничего не знают, ничего не умеют, что они без опеки жить не могут. Ну, так я вам докажу, что я сумею вести свои дела и без посторонней помощи.

Лыняев. Дай вам Бог! А еще лучше, если б вы рассказали в своем заблуждении как

Волки и овцы. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
можно скорее, пока еще не успели погубить своего состояния.

Купавина. Оставайтесь обедать!

Лыняев. Пожалуй, я только отдохну немного в беседке. Позволите?

Купавина. Ступайте, еще обед не скоро.

Анфуса (из залы). Гости... уж тут... они.

Купавина. Кто, Мурзавецкая?

Анфуса (из залы). Да, уж...

Лыняев. Нет, извините! По два раза в день ее видеть для меня слишком много. Я пойду в сад, она меня и не заметит. Можно тут пройти? (Указывает в дверь налево.)

Купавина. Сделайте одолжение! До свиданья! (Идет в залу.)

Лыняев уходит в дверь налево. Из залы входят Купавина, Мурзавецкая, Мурзавецкий, Глафира и Анфуса.

Явление третье

Купавина, Мурзавецкая, Мурзавецкий, Глафира, Анфуса.

Мурзавецкая. Ну, вот я к тебе со всем двором опричь хором.

Купавина. Милости просим!

Мурзавецкая. Да уж рада ль ты, не рада ли, делать нечего, принимать надо. Вот (указывая на племянника) пристал.

Мурзавецкий. Ах, ма тант, лесé! [8]

Мурзавецкая. Замолчи, пожалуйста! Разве я что дурное говорю? Ты всегда к ней можешь приехать, и принять тебя она должна с честью; ты не баклуши бить, не лясы точить; ты за своим делом, кровным. Вот пусть-ка она послушает.

Купавина. Я с удовольствием.

Мурзавецкая. Ну уж, какое удовольствие! Это дело, матушка, к Богу вопиет; вот что я тебе скажу.

Купавина. Так объясните мне, в чем оно.

Мурзавецкая. Не мое, так мне и объяснять нечего. Он обижен, он тебе и расскажет. Поговорите, так, Бог даст, и сладите. Коли умна, так догадаешься, не дашь себя разорить; а заупрямишься, так не взыщи, своя рубашка к телу ближе.

Купавина. Чем потчевать прикажете?

Мурзавецкая. Что за потчеванье! Я ведь от тебя к празднику в гости еду. У вас тут храмовой праздник неподалеку, а ты, чай, и не знаешь?

Купавина. Как не знать! На моем лугу гулянье бывает. А от чаю все-таки не откажетесь?

Мурзавецкая. Да, пожалуй.

Купавина. Тетя!

Анфуса. Уж я... уж давно... уж, гляди, готов...

Мурзавецкая. А вот эту девицу, извини, – я к тебе погостить привезла.

Волки и овцы. Александр Николаевич Островский ostrovskya1alexander.ru
Купавина. Очень вам благодарна.

Мурзавецкая. Думала, скучно одной-то, с Анфусой-то не много разговоришься, вот, мол, ей птицу-перепелицу, все-таки зубки почесать есть с кем.

Купавина. Извините меня! Я на одну минуту, я только покажу Глафире Алексеевне ее комнату. (Глафире.) Пойдемте.

Купавина и Глафира уходят в дверь направо.

Явление четвертое
Мурзавецкая, Мурзавецкий, Анфуса, потом Купавина.

Мурзавецкая. Хороша усадьба-то?

Мурзавецкий. Маньифик.

Мурзавецкая. Покоряй вдовье сердце, твоя будет. Только не ударь себя в грязь лицом!

Мурзавецкий. Что вы, ма тант? Я-то?

Мурзавецкая. Да, ты-то. Разговариваешь ты смело; а верится тебе что-то плохо.

Мурзавецкий. Десять слов.

Мурзавецкая. Что: «десять слов»?

Мурзавецкий. Я больше с женщинами никогда не говорю. Десять слов, и довольно, готово, вот по сих пор. (Показывает на уши.)

Мурзавецкая. Ну, хоть и не десять, только бы...

Мурзавецкий. Нет, больше десяти, ма тант, нельзя: опасно, черт возьми!

Мурзавецкая. Уж и опасно?

Мурзавецкий. Пароль донёр! В реки бросаются, что за приятность!

Мурзавецкая. А вот посмотрим.

Входит Купавина.

Купавина. Тетя, разлейте чай!

Анфуса. Я вот... я... (Хочет идти.)

Мурзавецкая. Пойдем, и я с тобой. Терпеть не могу из лакейских рук; то ли дело усесться подле самоварчика. (Уходит с Анфусой в дверь налево.)

Явление пятое
Мурзавецкий, Купавина.

Купавина. А вы чаю не хотите?

Мурзавецкий. Муа? Чаю? Ни за какие пряники! Жаме де ма ви! Бабье занятие.[9]

Купавина. Ну, как угодно. Вы желали со мной о вашем деле поговорить.

Мурзавецкий. Желал-с, страстно желал.

Купавина. Так обратитесь к Вуколу Наумychу, я ему поручила это дело.

Волки и овцы. Александр Николаевич Островский ostrovskya@alexander.ru
Мурзавецкий. Что такое Вукол Наумыч? Компрене ву, подьячий; а вы, вы! Это... нет, как хотите, это разница.[10]

Купавина. Но я с вами говорить не могу, я ничего не понимаю в этом деле.

Мурзавецкий. Да что дело! Что такое дело? Счеты – расчеты. Клюшки – коклюшки! Что значит это дело в сравнении с вечностью и, чуть было не сказал, с соленым огурцом! Пардон! Я сказал глупость. Подлейшая привычка говорить остроты! Но это в сторону.

Купавина. Что же вам угодно, я вас не понимаю.

Мурзавецкий. Души низкие ищут денег, души возвышенные ищут блаженства, как сказал один полковой писарь.

Купавина. Но какого же блаженства вы ищете?

Мурзавецкий. Я? О! Слов нет! Чтоб описать это блаженство, таких слов нет.

Купавина. Так, значит, я и не узнаю? Жаль.

Мурзавецкий. Небесные очи, томные улыбки, там разные фигли-мигли, нежности-белоснежности и прочее, и прочее, – все это вздор! Позвольте с вами говорить откровенно!

Купавина. Сделайте одолжение!

Мурзавецкий. Вы не увидите меня на коленях пред собой. Нет, уж это атандé. Я горд.[11]

Купавина. Ах, очень рада.

Мурзавецкий. Но полюбить меня вы должны.

Купавина. Скажите пожалуйста, я и не знала.

Мурзавецкий. Впрочем, это как вам угодно.

Купавина. Да, я думаю.

Мурзавецкий. Я горд, повторяю вам.

Купавина. Я слышала.

Мурзавецкий. Да... Но знаете, какое обстоятельство, черт возьми! По некоторым причинам... я бы вам сказал их, да вы не поймете, – я не служу-с, довольно! Старался, не оценили, ну и довольно. Родового не имею, благоприобретенного не приобрел...

Купавина. Если муж мой действительно был вам должен, вы получите...

Мурзавецкий. Ах, оставьте, лесé! Вы мне надоели. Миль пардон, мадам! Я совсем о другом. Изволите видеть, я чист... Ма тант – старая девка, она не понимает и не может понимать потребностей молодого, холостого офицера, и скупа, как...

Купавина. Я вам говорю, что вы получите.

Мурзавецкий. Вы опять за свое? Это скучно!.. Я иногда должен отказывать себе в самых необходимых удовольствиях. Ну, положим, табак... Мне даже стыдно признаться. Имажине-ву, дворянин – и без табаку![12]

Купавина. Что же вам угодно?

Мурзавецкий. Апрезан келькшоз.[13]

Купавина. Сколько же вам?

Мурзавецкий. Конечно, взаимы...

Купавина. Ну да, разумеется, но сколько?

Мурзавецкий. А это как вам угодно. Енпё, весьма немного... Однако, все ж таки, не двугривенный.

Купавина (вынимает из портмоне ассигнацию). Пять рублей довольно?

Мурзавецкий. Сетасе. Мерси, гран мерси! Через два дня, пароль донёр! [14]

Купавина. Уж извините! Я пойду к дамам! (Уходит.)

Мурзавецкий. Нет, ром... ну его! Вреден мне, с моим характером нельзя. Попробую-ка ужо (щелкает пальцем себя по галстуку) крамбамбулевой заняться. Как бы только вырваться у ма тант?! (Прячет деньги в карман.)

Входит Мурзавецкая.

Явление шестое
Мурзавецкий и Мурзавецкая.

Мурзавецкая. Ты что это прячешь?

Мурзавецкий. Так, на память выпросил безделушку, сувенирчик маленький. Ма тант, знаете, что мне нужно? Мне нужна свобода.

Мурзавецкая. Неправда.

Мурзавецкий. Нужна, ма тант, нужна. Вот, например, сегодня вечером, если вы меня не отпустите...

Мурзавецкая. Куда это? На гулянье, с пьяными мужиками путаться?

Мурзавецкий. Кель иде! Чего я там не видал? [15]

Мурзавецкая. Так куда ж?

Мурзавецкий (потирая лоб). После, ма тант, после узнаете.

Мурзавецкая. Нет, говори сейчас!

Мурзавецкий (таинственно). Сюда.

Мурзавецкая. Зачем?

Мурзавецкий. За решительным ответом.

Мурзавецкая. Как за «решительным»? Разве ты сделал предложение?

Мурзавецкий. Десять слов. Я ведь, ма тант, без экивоков: так и так, говорю, вуле ву? Она почти согласна, велела вечером приезжать за решительным ответом. Нельзя же не быть. [16]

Мурзавецкая. А не лжешь ли ты?

Мурзавецкий. Же ву засюр. Только вы ей ни-ни! Она просила, чтоб это дело пока осталось антр ну дё. [17]

Мурзавецкая. А что, если правда? Да понимаешь ли ты, как это важно для нас?

Мурзавецкий (серьезно). Очень, ма тант, важно, очень.

Мурзавецкая. Право, мне что-то уж не верится; уж больно хорошо. А впрочем, лукавый-то чего не делает!

Мурзавецкий. Верно, ма тант, она моя.

Волки и овцы. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Мурзавецкая. Поезжай, поезжай! Только ты скорей возвращайся от нее, я тебя буду ждать. Не усну ведь я ни за что, ты подумай!

Входят Купавина, Глафира, Анфуса.

Явление седьмое

Мурзавецкая, Мурзавецкий, Купавина, Глафира, Анфуса.

Мурзавецкая. Спасибо этому дому, поедem к другому! Прощайте, крали! Уж не знаю, скоро ли попаду к тебе.

Купавина. Я сама к вам заеду.

Мурзавецкий. Но я, ма тант, скоро буду у мадам Купавиной. Я обязан быть.

Мурзавецкая. Ну, и ладно. (Купавиной.) А ты его принимай хорошенько! Вот я и узнаю твое расположение ко мне: коли ласково его принимать будешь, значит, меня любишь; коли ты его обидишь, значит, меня хотела обидеть. Прощайте! Всего не переговоришь.

Уходят Мурзавецкая, Мурзавецкий, Купавина, Анфуса. Входит Глафира.

Явление восьмое

Глафира садится, вынимает из кармана маленькую книжку и погружается в чтение. Входит Купавина.

Купавина. Наконец-то я залучила вас к себе.

Глафира. Ах, это вы? (Опускает книгу.) Я давно собиралась к вам; сельская природа так располагает к благочестивым размышлениям.

Купавина. Надеюсь, что вы у меня погостите подольше.

Глафира. Очень благодарна; но боюсь, что вы со мной соскучитесь: я плохая собеседница, я люблю уединение.

Купавина. А я слышала, что вы в Петербурге жили весело.

Глафира. Ваша правда. Я тогда еще не понимала жизни; теперь я смотрю на вещи гораздо серьезнее, житейская суета не имеет для меня никакой цены.

Купавина. Когда же вы успели так изменить свой образ мыслей?

Глафира. Я молода еще, конечно; но под руководством такой женщины, которую почти можно назвать святой, я в короткое время успела сделать много для своей души.

Купавина. А вы кстати приехали.

Глафира. Почему же?

Купавина. Мне нужно посоветоваться, а не с кем было. Вы мне не откажете?

Глафира. Рада служить вам всем, чем могу. Откройте мне свою душу! Впрочем, не надо, я догадываюсь. Вы женщина светская, значит, легкомысленная, – вы влюблены?

Купавина. Вы почти угадали.

Глафира. Мне жаль вас.

Купавина. Отчего же?

Глафира. Оттого, что это грех.

Волки и овцы. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Купавина. Небольшой, я думаю.

Глафира. Ну, это судя по человеку, которого вы любите. Богат он или беден?

Купавина. Богат.

Глафира. Так большой грех.

Купавина. Я его люблю не за богатство.

Глафира. Да он-то будет очень рад вашему богатству. А если б вы не навязывались с своей любовью к богатому человеку, может быть, он женился бы на бедной девушке и осчастливил ее. А то если и богатые женщины хватаются за богатых, так что ж нам-то, бедным девушкам, останется! Я ошиблась, сказавши: «нам», – мне ничего не нужно, я говорю вообще.

Купавина. Что же мне делать?

Глафира. Возьмите власть над собой, разлюбите его! И если уж вы без любви жить не можете, так полюбите бедного человека, греха будет меньше. Его разлюбить легко, стоит только взглянуться в него хорошенько.

Купавина. В кого? Разве вы его знаете?

Глафира. Конечно, знаю.

Купавина. Сомневаюсь.

Глафира. Вы плохо хитрите, ваш секрет известен всем: вы любите Лыняева.

Купавина. Вы ошибаетесь.

Глафира (живо). Ошибаюсь? Вы говорите, что я ошибаюсь?

Купавина. Да, уверяю вас.

Глафира. Так вы любите не его?

Купавина. Нет. С чего вам в голову пришло?

Глафира. Говорите правду! Я вас умоляю, говорите правду!

Купавина. Да подумайте хорошенько! Ну, что мне в нем?

Глафира. Так извините меня, извините! Довольно играть комедию. Любите кого угодно и сколько вам угодно. Какую я гнусную роль играла перед вами! Ведь я приставлена к вам шпионом, и я взяла эту роль с удовольствием.

Купавина. Зачем же?

Глафира. Я думала, что вы моя соперница.

Купавина. Так вы сами любите Лыняева?

Глафира. Люблю? О нет, зачем же! Но я хочу выйти за него замуж, – это моя единственная надежда, единственная мечта.

Купавина. Но что же значит ваш костюм, ваше поведение, ваши проповеди?

Глафира. Мой костюм, поведение, проповеди – все это маска. Я буду с вами откровенна, только помогите мне.

Купавина. С удовольствием.

Глафира. Я действительно жила в Петербурге очень весело: моя сестра замужем за молодым человеком, очень ловким; он вдруг составил себе большое состояние. Нас окружали только люди богатые: адвокаты, банкиры, акционеры. Мы с сестрой жили в каком-то чаду: катанье по Невскому, в бархате, в соболях; роскошные обеды дома

Волки и овцы. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru или в ресторанах, всегда в обществе; опера, французский театр, а чаще всего Буфф; пикники, маскарады... Конечно, такая жизнь не серьезна; но кто испытал ее, тому здешняя, копеечная, невыносима. Ах, как невыносима, если бы вы знали!

Купавина. Что заставило вас уехать из Петербурга?

Глафира. Я не знаю, что сделалось. Что-то произошло вдруг для нас с сестрой неожиданное. Сестра о чем-то плакала, стали всё распродавать, меня отправили к Меропе Давыдовне, а сами скрылись куда-то, исчезли, кажется, за границу. Конечно, я сама виновата, очень виновата: мне надо было там ловить жениха, – это было очень легко; а я закружилась, завертелась, как глупая девчонка; я себе этого никогда не прощу.

Купавина. Зачем же вы ходите в черном?

Глафира. А в чем же мне ходить? В старых полинялых обносках, давно вышедших из моды? Грубая черная одежда по крайней мере оригинальна и обращает на тебя внимание; притом же и улыбнуться кому-нибудь и смело окинуть глазами гораздо эффектнее из-под черного платка, чем из-под старомодной шляпки. Но носить это платье можно недолго и только с известной целью; а если вообразить, что придется всю жизнь таскать эту ветошь... О! это можно с ума сойти.

Купавина. Я удивляюсь, как Меропа Давыдовна не найдет вам приличной партии; она такая мастерица пристраивать своих родных.

Глафира. Нет; для меня она ничего не сделает. У ней во всем расчет! Она ловкая женщина, она сумеет выдать и за богатого человека, но только с тем, чтобы взять потом в свои руки и пользоваться всем, чем можно, и еще твердить постоянно, что она вот как благодетельствовала.

Купавина. Да, это правда.

Глафира. Мы с ней видим друг друга насквозь, и она хорошо знает, что если я вырвусь от нее замуж, так она только меня и видела. Впрочем, я ей очень благодарна.

Купавина. За что же?

Глафира. Я научилась от нее многому полезному, многому такому, что бедной женщине необходимо в жизни.

Купавина. Именно?

Глафира. Выучилась хитрить, не говорить даром ни одного слова, не иметь стыда, когда чего-нибудь добиваешься, выучилась бесцеремонному обращению, просто наглости, которая у ханжей идет за откровенность и простоту. Жертву я нашла: Лыняев – единственный человек, за которым я могу жить так, как мне хочется, как я привыкла; всякая другая жизнь для меня тягость, бремя, несчастье – хуже смерти. А я сама себе не враг, Евлампия Николаевна, и потому постараюсь во что бы то ни стало выйти за Лыняева; для этого я готова употребить все дозволенные и даже недозволенные средства. Мне кажется, я уж очень откровенна с вами. Извините меня!

Купавина. Нет, нет, я очень хорошо понимаю ваше положение. (Долго смотрит на Глафиру, потом обнимает ее.) Ах, если бы мне ваша энергия!

Глафира. А мне ваши деньги! (Смотрит прямо в глаза Купавиной.) Поможешь мне? Ты меня видишь девушкой, – посмотри женщиной, что из меня выдет!

Купавина. Все, что от меня зависит, я с радостью... Я хоть погляжу на замужнюю женщину, которая имеет свою волю. А я, бедная, и за тем мужем жила под строгой опекой, да и опять, должно быть, то же будет.

Глафира. Что за мрачные мысли!

Купавина. Так, видно, на роду написано. Я сужу по тому письму, которое мне написал мой возлюбленный. Вот об этом-то я и хотела посоветоваться с тобой.

Волки и овцы. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Глафира. Так расскажи, что за дела у вас!

Купавина. Года три тому назад, когда еще мой муж был жив, приезжал сюда на лето наш сосед, Беркутов.

Глафира. Ну, и...

Купавина. Ну, и... не суди меня строго! Моему мужу было шестьдесят пять лет. Беркутов мне понравился. Впрочем, я вела себя очень осторожно, и он ни в чем не мог заметить моего особенного расположения.

Глафира. А может быть, и заметил.

Купавина. Не знаю... может быть. Он прожил здесь только одно лето и уехал в Петербург; с тех пор я его и не видала; но он в каждом письме к Лыняеву посылал мне поклоны и разные комплименты.

Глафира. Как все это невинно!

Купавина. Очень невинно; а все-таки я попалась. Как-то, месяца три тому назад, пристал ко мне Лыняев: напишите да напишите Беркутову, чтоб он приехал летом в усадьбу, – он вам не откажет.

Глафира. Ты и послушалась, написала?

Купавина. Написала вздор какой-то, уж и не помню что: такая глупость непростительная.

Глафира. И ответ получила?

Купавина. В том-то и дело, что получила. Во-первых, все письмо написано деловым, канцелярским слогом; а во-вторых, смысл его такой: мне наслаждаться природой некогда, у меня важные денежные дела; но если вы хотите, я приеду. Прошу вас не делать никаких перемен в имении, не доверять никому управления, не продавать ничего, особенно лесу.

Глафира. Серьезный человек и, должно быть, очень умный.

Купавина. Согласна; но кто ему дал право учить меня! Что я, малолетняя, что ли? Это оскорбительно. Я не отвечала и, признаюсь, довольно-таки охладела к нему. Он придет сегодня или завтра; вот я посмотрю на него, как он поведет себя, и если замечу, что он имеет виды на меня, я полюбезничаю с ним, потом посмеюсь и отпущу его в Петербург ни с чем.

Глафира. План хорош, надо только выполнить его.

Купавина. Постараюсь. Мне страшно за мою свободу. Вот письмо от него, я еще его не читала, видишь, как равнодушна. Мне привез его Лыняев.

Глафира. Лыняев уж был у тебя, значит, я его увижу не скоро, а может быть, и совсем не увижу. Пригласи его!

Купавина. Приглашать его не нужно: он в саду, спрятался от Меропы Давыдовны и сейчас явится к обеду.

Глафира. Вот и прекрасно! Вели подать шампанского, мне давно хочется; ужасно надоело сухоядение.

Купавина. Изволь!

Глафира. У меня еще просьба к тебе. Дай мне надеть что-нибудь поприличней! Все это на мне так гадко.

Купавина. Вот тебе ключ от гардероба, выбирай, что хочешь. Там много нового, ненадеванного; я нашла пропасть, да после траура все еще не решаюсь щеголять-то.

Глафира. Mercі! я в одну минуту. (Убегает.)

Явление девятое
Купавина (одна).

Купавина (распечатывает письмо). Посмотрим, что за послание. (Читает.) «Исполняю ваше приказание, собираюсь в усадьбу. Но с той самой минуты, как я решился ехать, я уж испытываю мучительное чувство нетерпения. Мне обидно, что меня повезет паровоз, придуманный англичанами для перевозки тяжелых грузов; мне нужны крылья, резвые крылья амура». Какая пошлость! (Читает про себя.) Что дальше, то лучше. Что с ним сделалось? Неужели он думает, что я поверю этим глупостям? Ну, да прекрасно, надо оставить его в этом заблуждении; тем вернее он попадетсся.

Из двери показывается Глафира в одной юбке и в платке, накинутом на шею.

Явление десятое
Купавина, Глафира.

Глафира. Я все, и шелковые чулки нашла, и башмаки, и как все мне впору! Посмотри! (Подымает и вытягивает ногу, как танцовщица.) Ведь жалко такую ножку обувать в какие-то лапти.

Купавина. Чудо, как ты мила! Уж разве он каменный, а то как бы, кажется... (В двери.) Тетя, прикажите обедать подавать. Да вот и Михайло Борисыч идет.

Глафира. Подождите меня, я сейчас. Ну! либо пан, либо пропал! (Уходит в дверь направо. Купавина – в залу.)

Действие третье
Лица
Купавина.

Глафира.

Анфуса.

Лыняев.

Мурзавецкий.

Чугунов.

Клавдий Горецкий, племянник Чугунова, красивый молодой человек, кудрявый, с румяным лицом; одет в легком летнем сюртуке, застегнутом на все пуговицы; рубашка русская, цветная, без галстука; панталоны в сапоги.

Через всю сцену садовая решетка с калиткой посередине. У калитки скамья. За решеткой виден густой парк усадьбы Купавиной. Вечереет.

Явление первое
Горецкий стоит у решетки и посвистывает. Из калитки выходит Чугунов.

Чугунов. Что ты, зачем ты? Пошел домой! Сейчас пошел домой!

Горецкий. Нет, домой я не пойду. Я вас дожидался. Нужно очень.

Чугунов. На что я тебе?

Горецкий. Денег пожалуйста, государственных кредитных билетов!

Чугунов. Денег? Нет, нет, и не думай! Зачем тебе деньги?

Горецкий. Я своему сердцу отвагу даю, на гулянье иду. (Свищет.)

Волки и овцы. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Чугунов. На какое гулянье? Сиди дома! Да полно тебе свистать-то! Что я тебе приказывал? Ни шагу чтобы, ни-ни...

Горецкий. Нет, это вы напрасно беспокоитесь! Без судебного приговора не буду я сидеть в заключении; приговорят, тогда сяду.

Чугунов. Зачем ты такие слова говоришь? Зачем?

Горецкий. Ну, вот еще, слова! Нужно очень слова разбирать. Вы денег пожалуйста!

Чугунов. Где я тебе возьму?

Горецкий. Это ваше дело, это до меня не касается. Я вот про себя знаю, что запью сегодня, должно быть, дней на двенадцать.

Чугунов. Уж так и на двенадцать? Вперед знаешь, что на двенадцать.

Горецкий. Только бы, дяденька, не больше. Пожалуйста!

Чугунов. Ты это из городу пешком?

Горецкий. Пешком.

Чугунов. Нечего сказать, охота за каким-нибудь двугривенным десять верст пешком лупить!

Горецкий. Версты – это мне ничего; я с астролябией по две тысячи ходил. Я и за гривенником, когда он мне нужен, далеко пойду; только вот что: давайте по чести, двугривенного мало.

Чугунов. Ишь ты, мало! Будет, за глаза будет.

Горецкий. Говорю, что мало. Божиться, что ли?

Чугунов. Сколько ж тебе надо?

Горецкий. Пятьдесят рублей.

Чугунов. В своем ты разуме, Клашка, в своем?

Горецкий. Ничего. Вот что после гулянья будет, не знаю, а покуда в своем.

Чугунов. У кого ты просишь? У кого ты просишь, говори!

Горецкий. У вас. У кого ж мне просить? У кого деньги водятся, у того и прошу.

Чугунов. Да что, банк, что ли, у меня?

Горецкий. Перед кем вы убогим-то притворяетесь? Вы уж это перед чужими; а я свой, родственник. У барыни имением управляете... вон усадьба-то какая! Да чтоб не грабить!

Чугунов. «Грабить, грабить!» невежа! Чурбан необразованный! Ну, так вот и есть деньги, да не дам.

Горецкий (надев фуражку). Пожалеете.

Чугунов. Об чем?

Горецкий. О том, что не дали. Можете большую неприятность получить.

Чугунов. От кого?

Горецкий. От меня.

Чугунов. Что ты за птица такая важная?

Волки и овцы. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Горецкий. Вот и не птица, а неприятность сделаю.

Чугунов. Какую?

Горецкий. Дом сожгу.

Чугунов. Что ты! Какой дом? Что ты!

Горецкий. Ваш.

Чугунов. Ах ты!.. Эх, братец!.. Да как ты..

Горецкий. Да вот так: пойду и зажгу.

Чугунов. В кого ты такой каторжный уродился?

Горецкий. Да кто ж у нас в родне святые-то? Вы, что ли? В кого путным-то уродиться?

Чугунов. Не груби, клашка, не груби!

Горецкий. Дайте денег, так и грубости не услышите.

Чугунов (вынимает бумажник). Отвяжись ты от меня! На! Провались ты куда-нибудь!
(Дает пять рублей.)

Горецкий. Что это? Пять рублей? (Отдает назад.) Нет, я дороже стою.

Чугунов. Правда, правда, дороже стоишь; ты и пятьсот рублей стоишь, кабы тебя можно было в солдаты продать.

Горецкий. Не об солдатах речь! А за свое мастерство я дороже стою.

Чугунов. Хорошее мастерство! Хвались, хвались! Есть чем похвастаться!

Горецкий. Хорошее ли, дурное ли, а вам понадобилось, так платите. Уж вы покупайте меня, а то плохо.

Чугунов. Ну, на еще! (Дает еще пять рублей.)

Горецкий. Мало.

Чугунов. Ишь ты, как разбойник в лесу, на дороге ловишь. Больше не дам, кончено.

Горецкий. Ну, а если мне кто-нибудь больше даст, и, стало быть, продавать вас с Мурзавецкой-то?

Чугунов. Тише ты! У Евлампии Николаевны гости в саду.

Горецкий. А мне что за дело!

Чугунов. Ну тебя! Уйти от греха. (Уходит.)

Горецкий (вслед Чугунову). Дядя! Слушай! Коли больше дадут, я вас продам; вы так и знайте. Говорю я тебе, что мне гулять охота пришла. А коли мне в это время денег не дать, так я хуже зверя. (Уходит за Чугуновым.)

Из сада выходят Купавина, Глафира, Анфуса, Лыняев.

Явление второе
Купавина, Глафира, Анфуса, Лыняев.

Лыняев (Купавиной). Не понимаю, не понимаю, что за фантазия гулять по росе, когда можно очень покойно сидеть в комнате, ну, пожалуй, на балконе, если хотите быть на воздухе.

Волки и овцы. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Купавина. Я хочу народное гулянье посмотреть.

Лыняев. Не ходите! Что за удовольствие идти за две версты, да еще по горам, чтоб смотреть на пьяных.

Купавина. Скажите лучше, что вам лень! Оставайтесь!

Лыняев. Я бы пошел; но там, вероятно, ваши люди гуляют, мы их только стесним. Зачем расстраивать чужое веселье!

Купавина. Мы издали посмотрим, с горы. Да уж оставайтесь, оставайтесь, я тетю возьму.

Лыняев. Вот и прекрасно; а впрочем, я, пожалуй...

Купавина. Нет, нет! Будете вздыхать да охать всю дорогу, жертву из себя представлять, и без вас обойдемся. Пойдем, тетя!

Анфуса. Я что ж... я, пожалуй...

Купавина (Глафира). Ты останешься тоже? Оставайся, оставайся!

Глафира. Да, у меня от шума голова кружится.

Купавина. Подождите нас здесь!

Лыняев. Подождем, подождем.

Купавина и Анфуса уходят.

Явление третье
Лыняев, Глафира.

Лыняев. Вы только платье переменили, а скромность при себе оставили?

Глафира. Вам излишняя скромность не нравится?

Лыняев. Как не нравится! Что вы, помилуйте! Нет, это хорошо, это очень хорошо.

Глафира. Может быть, и хорошо, да зато скучно.

Лыняев. Да разве вы обязаны развлекать меня? Это скорей моя обязанность, но и я... извините, и я могу предложить вам только поскучать со мной вместе.

Глафира. И прекрасно, очень вам благодарна.

Лыняев. Не стоит благодарности.

Глафира. Нет, очень стоит.

Лыняев. Да за что же?

Глафира. За спокойствие, разве этого мало? Проведя вечер с вами, можно уснуть без всяких волнений, сном праведника. Я еще никого не любила, Михайло Борисыч, но ведь эта пора придет; я в таких летах, что каждую минуту должна ждать любовной горячки.

Лыняев. Значит, вы такая же, как и все. А я думал, что вы...

Глафира. Что? Что я не способна любить? Таких девушек не бывает, Михайло Борисыч.

Лыняев. Так вы боитесь полюбить?

Глафира. Как же не бояться? Любовь мне ничего не принесет, кроме страданий. Я девушка со вкусом и могу полюбить только порядочного человека; а порядочные люди

Волки и овцы. Александр Николаевич Островский ostrovskya1alexander.ru ищут богатых. Вот отчего я прячусь и убегаю от общества, – я боюсь полюбить. Вы не смотрите, что я скромна, тихие воды глубоки, и я чувствую, что если полюблю..

Лыняев. Ой, страшно! Не говорите, пожалуйста, не продолжайте.

Глафира. Но с вами я ничего не боюсь.

Лыняев. Не боитесь?

Глафира. Нисколько. Вы меня увлекать не станете, да и увлечься вами нет никакой возможности.

Лыняев (обидевшись). Но почему же вы так думаете?

Глафира. Ну, полноте, какой вы любовник? Вы не обижайтесь, Михайло Борисыч! Вы очень хороший человек, вас все уважают; но любить вас невозможно. Вы уж и в летах, и ожирели, и, вероятно, дома в теплом халате ходите и в колпаке; ну, одним словом, вы стали похожи на милого, доброго папашу.

Лыняев. Вы уж очень безжалостны ко мне. Нет, я еще..

Глафира. Нет, нет, не обманывайте себя, – откажитесь от побед, Михайло Борисыч! Ха-ха-ха! (Хохочет.)

Лыняев. Да чему же вы смеетесь, помилуйте!

Глафира. Извините, пожалуйста! Мне сейчас смешная мысль в голову пришла. Ну если вы в меня влюбитесь и будете рассыпаться в нежностях передо мной, – ведь при всем уважении к вам не выдержишь, расхохочешься.

Лыняев. Однако какие вам мысли-то в голову приходят игривые.

Глафира. Так, дурачусь. Вам странно, что я развеселилась? Недолго мне.

Лыняев. Отчего ж недолго?

Глафира. В монастырь собираюсь на днях.

Лыняев. Нет, вы шутите?

Глафира. Не шучу. Прощайте! Не поминайте лихом! В самом деле, не сердитесь на меня за мои шутки! Мне хочется оставить добрую память по себе.

Лыняев. Оставить добрую память вы очень можете.

Глафира. Каким образом?

Лыняев. Окажите мне маленькую услугу!

Глафира. С особенным удовольствием.

Лыняев. Почему ж с особенным?

Глафира. Так, вы очень милый человек.

Лыняев. Мне нужно хорошего писца на некоторое время.

Глафира. Не могу. Хоть и хорошо пишу, а в писцы к вам не пойду.

Лыняев. Вы не поняли или не хотите понимать..

Глафира. Вот если б я была мужчина; а то, помилуйте, что подумают, милый Михайло Борисыч! А впрочем..

Лыняев. Да нет же! У Меропы Давыдовны занимается письмоводством Чугунов, я его руку знаю; но иногда попадают от нее бумаги, написанные отличным почерком.

Глафира. Так вам нужно точно такого писца?

Волки и овцы. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Лыняев. Мне нужно знать, кто это пишет.

Глафира. Спросите у Чугунова.

Лыняев. Не скажет.

Глафира. Тут у вас что-то не просто?

Лыняев. Да вы знаете?

Глафира. Может быть, знаю больше, чем вы думаете.

Лыняев. Так скажите!

Глафира. Нельзя.

Лыняев. Почему?

Глафира. Потому что он мой любовник.

Лыняев. Час от часу не легче.

Глафира. Я немного сильно выразилась. Он действительно влюблен в меня и пишет мне стихами письма чуть не каждый день. Такой милый, – ответа не требует, а только изливает свои чувства передо мной.

Лыняев. Но кто же он, скажите.

Глафира. Он вам очень нужен?

Лыняев. Очень.

Глафира. Я не только могу его назвать вам, но через десять минут привести его сюда и отрекомендовать.

Лыняев (потирает руки от радости). Что вы? Неужели?

Глафира. Только даром этого не сделаю.

Лыняев. Требуйте от меня, что вам угодно, чего только вам угодно.

Глафира. Я попрошу небольшого.

Лыняев. Все, все, что хотите.

Глафира. Притворитесь влюбленным в меня и целый вечер сегодня ухаживайте за мной.

Лыняев. А вы будете смеяться?

Глафира. Вероятно, если это будет смешно.

Лыняев. Ну, уж один вечер куда ни шло! Хоть и тяжеленько, да нечего делать, сам обещал. Так вы когда же мне его покажете?

Глафира. Хоть сейчас. Я видела, как он прошел на гулянье, я пойду и приведу его сюда. Подождите меня здесь! Вот и Евлампия Николаевна. (Уходит.)

Входят Купавина и Анфуса.

Явление четвертое

Лыняев, Купавина, Анфуса.

Лыняев. Что же вы так скоро?

Волки и овцы. Александр Николаевич Островский ostrovskya1alexander.ru
Купавина. И хотелось еще погулять, да скрываюсь от преследований.

Лыняев. Вот я вам говорил, что там пьяные; кто же вас преследует?

Купавина. Наш общий знакомый, Мурзавецкий. Проводите меня до дому.

Лыняев. Анфуса Тихоновна, будьте так добры, подождите здесь Глафиру Алексеевну и, когда она воротится, скажите ей, что я сейчас приду.

Купавина. Да не пускайте Мурзавецкого в сад, скажите, что меня дома нет, что я уехала.

Анфуса. Хорошо уж... я уж...

Лыняев. Да что с ним церемониться, просто гнать этого милого мальчика прочь!

Купавина. Ах нет, нельзя! С ним надо как можно осторожнее. Он скажет Меропе Давыдовне, тогда мы большую беду наживем. Поделикатнее как-нибудь, а то она меня съест.

Уходят Купавина и Лыняев, Анфуса садится на скамейку. Входит Мурзавецкий.

Явление пятое
Анфуса, Мурзавецкий.

Мурзавецкий (свищет). Тамерлан, Тамерлан, иси! Эко животное! Повешу, конечно... нет, брат, повешу, – конечно. Пардон, медам! Где ж они? (Осматриваясь.) А, вон! Кажется, обе тут. Так что-то как будто в глазах застилает, мелькает что-то; то одна, то две... нет, две, две... ну, конечно, две. (Раскланиваясь издали.) Честь имею. [18]

Анфуса (отворачиваясь). Ну уж... не надо уж...

Мурзавецкий. Нет, позвольте, Евлампия Николаевна!

Анфуса. Да какая... где уж она?..

Мурзавецкий. Нет, Евлампия Николаевна, нет, она здесь, в груди моей; пароль донёр. (Вздыхает.) Таких страданий, таких страданий...

Анфуса. Ну уж... довольно уж...

Мурзавецкий. Я с вами согласен, но если нет сил, что же мне делать, я вас спрашиваю! Влюблен, ну и... ну и... конечно.

Анфуса. Ах, право уж... ну, что?

Мурзавецкий. Не хотите, не хотите отвечать? А я вот тут... у вас... у ног... могу умереть. Отвечайте, отвечайте, мон анж! Ну, ен мо! [19]

Анфуса. Да что уж... ну тебя!

Мурзавецкий. Анфуса Тихоновна, оставьте, я вас прошу, я не с вами.

Анфуса. Не со мной уж... так, ну, с кем?

Мурзавецкий. С кем? Это странно. Ха-ха-ха! Это странно! Вы думали, с вами?

Анфуса. Да уж... никого тут больше-то... что еще?

Мурзавецкий. Анфуса Тихоновна, тезеву! Евлампия Николаевна, бывают в жизни минуты... Что я! Одна минута, когда человек... [20]

Анфуса. Ах уж... что мне с ним?..

Мурзавецкий. Вы молчите, за вас отвечают, – для благородной души моей это... это,
Страница 39

Волки и овцы. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
я вам скажу... (вздыхает) тяжело.

Анфуса. Да откуда ж она... коли нет?

Мурзавецкий (подходя). Чего нет? Как нет?

Анфуса. Да уж так вот...

Мурзавецкий (осматривая Анфусу и скамейку). Да где ж она?

Анфуса. Коли нет... где ж мне!..

Мурзавецкий (ударив себя по лбу). Боже мой! Боже мой!

Анфуса. Ну уж... чего еще?

Мурзавецкий. Однако какой обман!

Анфуса. Кому уж... нужно.

Мурзавецкий. Так что же это, что же? Обман чувств, игра воображения?

Входит Лыняев.

Явление шестое
Мурзавецкий, Анфуса, Лыняев.

Мурзавецкий. Но нет, я шутить над собой не позволю, дудки!

Анфуса (увидав Лыняева). Ах, вы уж... ну вот... уж сами... (Идет в сад.)

Мурзавецкий. Я еду, еду, не свищу, а наеду – не спущу.

Анфуса. Ну, мели уж... на просторе! (Уходит.)

Мурзавецкий. Но я, нет, я пойду.

Лыняев. Куда?

Мурзавецкий. К ней.

Лыняев. Увы!

Мурзавецкий. Что «увы»? Что такое, милостивый государь, увы?

Лыняев. Нельзя, не велено вас принимать.

Мурзавецкий. Меня не велено? О! Я вот посмотрю. (Хочет идти в сад.)

Лыняев (загораживая калитку). Послушайте! Я вам вот что по-дружески посоветую: поезжайте домой, а то нехорошо.

Мурзавецкий. Что такое «нехорошо»? Позвольте вас... Позвольте вас спросить.

Лыняев (таинственно). В саду поставлены люди, и, как вы войдете, так (показывает знаком), понимаете?

Мурзавецкий. Что, что?

Лыняев. Я не виноват, Евлампии Николаевне было угодно так распорядиться.

Мурзавецкий. Меня ведь не испугаешь; ну, да я, пожалуй, и не пойду, не надо. Я, знаете ли, хотел мое дело с ней миром; а теперь нет, шалишь, морген фри!

Лыняев. Что вам за охота миром?

Волки и овцы. Александр Николаевич Островский ostrovskya1alexander.ru
Мурзавецкий. Да ведь жаль, черт возьми! Пятьдесят тысяч должна.

Лыняев. Хорошие деньги.

Мурзавецкий. Да я не хотел брать, зачем! Я просто, моншер, хотел, сан-фасон, предложить руку, чтобы, компрене ву, соединить капиталы. У меня ничего... то есть нет, что я! У меня состояние, у нее состояние, какие тут иски да взыски! [21]

Лыняев. Хорошо бы, только она за вас не пойдет.

Мурзавецкий. Ну, так уж не взыщи, не помилую. Ах, моншер, что я с ней сделаю! Ограблю, начисто ограблю!

Лыняев. Пятьдесят тысяч потребуете?

Мурзавецкий. Нет, уж тут не пятьюдесятью пахнет. Полтораста! Усадьба эта моя будет, через неделю моя.

Лыняев. Вот и хорошо, соседи будем. (Жмет руку Мурзавецкого.) Прошу любить да жаловать. А теперь вам пора домой! Вон это не ваш ли экипаж? Вероятно, Меропа Давыдовна за вами прислала.

Мурзавецкий. Да, она ждет; я обещал решительный ответ привезти.

Лыняев. Уж чего же решительнее!

Мурзавецкий. А ведь жаль мадам Купавину, плакать будет. Оревуар! (Уходит.)

Слышен свист и голос: «Тамерлан, иси!» С противоположной стороны входят Глафира и Горецкий.

Явление седьмое
Лыняев, Глафира, Горецкий.

Глафира. Вот, рекомендую: Горецкий, Клавдий. (Горецкому.) А это Михайло Борисыч Лыняев, наш сосед, помещик.

Горецкий (снимая фуражку). Я их знаю-с.

Лыняев. Наденьте, пожалуйста!

Горецкий. Ничего-с. Глафира Алексеевна, позволь для вас какую-нибудь подлость сделать.

Лыняев. Вот странная просьба.

Горецкий. Ничего не странная-с. Чем же я могу доказать? Нет, уж вы не мешайте. Глафира Алексеевна, хотите, весь этот забор изломаю?..

Глафира. Нет, зачем?

Горецкий. Как бы я для вас прибил кого-нибудь, вот бы трепку задал веселую!

Лыняев. Да ведь за это судить будут.

Горецкий. А пущай их судят.

Лыняев. Да ведь посадят.

Горецкий. А посадят, так сидеть будем. Глафира Алексеевна, прикажите какую-нибудь подлость сделать!

Глафира. Я уж, право, не знаю, что вам приказать!

Лыняев. Да зачем непременно подлость? Попросите его правду сказать.

Волки и овцы. Александр Николаевич Островский ostrovskya1alexander.ru
Глафира. Ну, вот я попрошу вас мне правду сказать, вы скажете?

Горецкий. Какую правду-с?

Глафира. А вот какую мы спросим.

Горецкий. Извольте-с, все, что угодно-с.

Лыняев. А если секрет?

Горецкий. Да хотя бы рассекрет. У меня своих секретов нет, а если какой чужой, так что мне за надобность беречь его. Я для Глафиры Алексеевны все на свете...

Лыняев (подавая Глафире письмо). Спросите, кто это писал?

Глафира (показывая письмо Горецкому). Скажите, кто это писал?

Горецкий. Эх! Спросите что-нибудь другое!

Лыняев. А говорили, что все на свете.

Горецкий. Да мне что ж, пожалуй; только за это деньги заплочены.

Лыняев. Сколько?

Горецкий. Десять рублей.

Лыняев. А если я дам пятнадцать?

Горецкий. А если дадите, скажу.

Лыняев. Так вот, возьмите! (даёт деньги.)

Горецкий (берёт деньги). Покорно благодарю-с. (кладёт деньги в разные карманы.) Десять назад отдам, – скажу, мало дали. Это я писал-с.

Лыняев. Вы? Ну, так вы мне очень нужны будете. У вас есть свободное время?

Горецкий. Да у меня всегда свободное время-с.

Лыняев. Хотите ехать ко мне сегодня же? Я вам и заплачу хорошо, и стол у меня хороший, и вино, какое вам угодно.

Горецкий. С удовольствием-с. Что ж, Глафира Алексеевна, прикажите какую-нибудь подлость сделать!

Глафира. Да ведь уж вы сделали.

Горецкий. Велика ли это подлость! Да и за деньги.

Лыняев. Извините за нескромный вопрос. Вы знали когда-нибудь разницу между хорошим делом и дурным?

Горецкий. Как вам сказать-с? Нет, хорошенько-то не знаю.

Лыняев. Так и не знаете?

Горецкий. Ведь это философия; так нам где же знать!

Лыняев. Отчего же?

Горецкий. Семейство очень велико было.

Лыняев. Так что же?

Горецкий. С шести лет надо было в дом что-нибудь тащить, голодных ребят кормить.

Лыняев. Вас не учили?

Волки и овцы. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Горецкий. Как не учить! Ведь учить у нас – значит бить; так учили и дома, и посторонние, кому не лень было. Особенно пьяные приказные по улицам, бывало, так и ловят мальчишек за вихры, это для них первое удовольствие.

Лыняев. Вы говорили, что вас большая семья была, куда ж все делись?

Горецкий. Все в люди вышли: один брат – ученый, в фершела вышел, да далеко угнали, на Аландские острова; один был в аптеке в мальчишках, да выучился по-немецки, так теперь в кондукторах до немецкой границы ездит; один в Москве у живописца краски трет; которые в писарях у станowych да у квартальных; двое в суфлерах ходят по городам; один на телеграфе где-то за Саратовом; а то один в Ростове-на-Дону под греческой фамилией табаком торгует; я вот в землемеры вышел. Да много нас, всякого звания есть.

Лыняев. Вас любопытно послушать. Вы уж прямо ко мне отсюда. Я вас с собой возьму.

Горецкий. Хорошо-с. Я вас в конторе подожду. До свидания, Глафира Алексеевна! (Уходит.)

Явление восьмое
Лыняев, Глафира.

Глафира. Ну, довольны вы?

Лыняев. Не могу выразить, как я вам благодарен. Я так рад, что готов прыгать и плясать, как ребенок.

Глафира. Ребенком быть нехорошо, будьте лучше юношей.

Лыняев. Как же это?

Глафира. Сдержите свое слово!

Лыняев. Какое?

Глафира. А любезничать со мной.

Лыняев. Неловок я, Глафира Алексеевна, что вам за радость, чтоб я, в мои лета, шута разыгрывал!

Глафира. Ну, хоть немного, слегка.

Лыняев. Ну, как же любезничать? Прикажете хвалить ваши глазки?

Глафира. Нет, это глупо.

Лыняев. Или по-русски, как парни с девками любезничают, – те очень просто, без церемонии.

Глафира. А это уж слишком. Впрочем, все-таки лучше, чем говорить пошлости. Эко горе ваше! Любезничать не умеете, а любезничать надо. Ну, да не беспокойтесь, я вам помогу. Закутайте пледом, заткните уши ватой, а то сыро стало! Вот так. (Одевает Лыняева пледом.)

Лыняев. Благодарю вас.

Глафира. Теперь скажите: неужели вы в жизни не любили никого?

Лыняев. Как не любить!

Глафира. Вы говорили что-нибудь с предметом вашей страсти?

Лыняев. Много говорил, но я тогда был молод.

Глафира. Ну, так вспомните теперь, что вы говорили.

Лыняев. Это нетрудно. Я говорил одной блондинке, что наши души, еще до появления на земле, были родные, что они носились вместе по необъятной вселенной, порхали, как бабочки, в лучах месяца.

Глафира. Ну, а другой что вы говорили?

Лыняев. А другой, брюнетке, я говорил, что найму ей великолепную дачу, куплю пару вороных рысаков.

Глафира. Это вот хорошо, мне этот разговор больше нравится. Вот и продолжайте в этом духе.

Лыняев. Я обещал ей горы золотые, говорил, что не могу жить без нее, хотел застрелиться, утопиться.

Глафира. А она что ж?

Лыняев. А она говорила: «Зачем вам стреляться или топиться? Женитесь, вот и не об чем вам больше беспокоиться». Нет, говорю, мой ангел, это для меня хуже, чем утопиться. «Ну, так, говорит, утопитесь, потому что я огорчать мамашу и родных своих не хочу».

Глафира. Да она была бедная девушка?

Лыняев. Бедная.

Глафира. Так глупа.

Лыняев. А вы что ж бы сделали на ее месте?

Глафира. Я бы вам противоречить ни в чем не стала, я бы взяла и дачу, и рысаков, и деньги – и все-таки вы бы женились на мне.

Лыняев. Но это невозможно: я так тверд в своем решении.

Глафира. Нет, очень просто.

Лыняев. Но каким же образом, скажите, объясните мне!

Глафира. Сядемте!

Садятся на скамью.

Ну, представьте себе, что вы меня любите немножко, хоть так же, как ту брюнетку! Иначе, конечно, невозможно ничего. (Садится с ногами на лавку и прилегает к Лыняеву.)

Лыняев. Позвольте, что же это вы?

Глафира (отодвигаясь). Ах, извините!

Лыняев. Нет, ничего. Я только хотел спросить вас: что это, вы в роль входите или потому, что меня за мужчину не считаете?

Глафира. Я озябла немного.

Лыняев. Так сделайте одолжение, не беспокойтесь, если это вам приятно.

Глафира (опять прилегая к Лыняеву). Итак, вы меня любите, мы живем душа в душу. Я – олицетворенная кротость и покорность, я не только исполняю, но предупреждаю ваши желания, а между тем понемногу забираю в руки вас и все ваше хозяйство, узнаю малейшие ваши привычки и капризы и, наконец, в короткое время делаюсь для вас совершенной необходимостью, так что вы без меня шагу ступить не можете.

Лыняев. Да, я допускаю, это возможно.

Глафира. Вот в одно прекрасное утро я говорю вам: «Папаша, я чувствую потребность помолиться; отпусти меня денька на три на богомолье!» Вы, разумеется, сначала заупрямитесь; я покоряюсь вам безропотно. Потом изредка робко повторяю свою просьбу и смотрю на вас несколько дней сряду умоляющим взором; вы все, день за день, откладываете и наконец отпускаете. Без меня начинается в доме ералаш: то не так, – другое не по вас; то кофей горек, то обед опоздал; то у вас в кабинете не убрано, а если убрано, так на столе бумаги и книги не на том месте, где им нужно. Вы начинаете выходить из себя, часто вздыхать, то бегать по комнате, то останавливаться, разводить руками, говорить с собой; начинаете прислушиваться, не едут ли, часто выбегать на крыльцо; а я нарочно промедлю дня два, три. Наконец уж вам не сидится, вы теряете терпение и начинаете ходить по дороге версты за две от дому. Вот я еду. Сколько радости! Опять тихая, спокойная жизнь для вас; в ваших глазах только счастье и бесконечная нежность.

Лыняев (со вздохом). Ну и чего ж еще, и чего ж еще!

Глафира. Но вот однажды, когда ваша нежность уж не знает пределов, я говорю вам со слезами: «Милый папаша, мне стыдно своих родных, своих знакомых, мне стыдно людям в глаза глядеть. Я должна прятаться от всех, заживо похоронить себя, а я еще молода, мне жить хочется...»

Лыняев. Да... ах, в самом деле!

Глафира. Прощай, милый папаша! Не нужно мне никаких твоих сокровищ.

Лыняев. Ах, черт возьми, как это скверно!

Глафира. Я выхожу замуж.

Лыняев. За кого?

Глафира. Ну, хоть за Горецкого.

Лыняев. Отличная партия!

Глафира. Да, он беден, но я все-таки буду иметь хоть какое-нибудь положение в обществе. Да уж кончено, я решилась.

Лыняев. Но нельзя же так вдруг, ни с того ни с сего бросить человека! Надо было прежде думать и заранее предупредить.

Глафира. Я боялась, милый папаша. Разве ты не видишь, я хую, сохну день ото дня, я могу захворать серьезно, умереть.

Лыняев. Это бессовестно! Все это притворство!

Глафира. Если ты не веришь, как тебе угодно; я готова пожертвовать для тебя даже жизнью.

Лыняев. Ну вот то-то же!

Глафира. Что делать, у мужчин такие твердые характеры.

Лыняев. Все-таки я поставил на своем.

Глафира. Да, на своем. Где ж нам спорить с вами! Только в тот же день к вечеру я незаметно исчезаю, и никто не знает, то есть никто не скажет вам, куда. Проходит день, другой; вы рассылаете по всем дорогам гонцов, сыщиков, сами мечетесь туда и сюда, теряете сон, аппетит, сходите с ума. И вот за несколько минут до того, когда вам уж действительно нужно помешаться, вам объявляют по секрету, где я скрываюсь. Вы бросаетесь ко мне с подарками, с брильянтами, со слезами умоляете меня возвратиться, – я непреклонна! Вы плачете, я сама рыдаю! Я люблю вас, мне жаль с вами расстаться, но я неумолима. Наконец я говорю вам: «Милый папаша, ты любишь холостую жизнь, ты не можешь жить иначе, – сделаем вот что! Обвенчаемся потихоньку, так что никто не будет знать; ты опять будешь вести холостую жизнь, все пойдет по-прежнему, ничто не изменится, – только я буду покойна, не буду

Волки и овцы. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru страдать». Вы, после недолгого колебания, соглашаетесь.

Лыняев. Да, очень может быть, очень может быть, действительно, это возможно. Но я все-таки поставил по-своему.

Глафира. Да, по-своему. Но на другой же день откуда у меня эта светскость возьмется, эта лень, эта медленность в движениях! Откуда возьмутся эти роскошные туалеты!

Лыняев. Да, вот...

Глафира. Оттопырится нижняя губка, явится повелительный тон, величественный жест. Как мила и нежна я буду с посторонними и как строга с вами. Как счастливы вы будете, когда дождетесь от меня милостивого слова. Уж не буду я суетиться и бегать для вас, и не будете вы папашей, а просто Мишель... (Говорит лениво.) «Мишель, сбегай, я забыла в саду на скамейке мой платок!» И вы побежите. Это вот один способ заставить жениться; он хотя старый, но верный; а то есть еще и другие.

Лыняев. Да, но ведь так можно поймать человека только тогда, когда он любит.

Глафира. Разумеется. Вы в совершенной безопасности, потому что никого не любите.

Лыняев. Я в безопасности и очень этому рад. Но уж если бы мне пришлось полюбить кого-нибудь, то я полюбил бы вас. (Целует руку Глафиры.)

Глафира. Это что такое? Это зачем?

Лыняев. Так.

Глафира. Если просто «так», то обидно. На вас нежность нашла, ну, а благо я тут близко, так вы и беретесь прямо за меня руками.

Лыняев. Да нет. Ведь вы сами хотели, чтоб я любезничал с вами.

Глафира. Ах, я и забыла! Ну, так целуйте, пожалуй.

Лыняев. Да и поцелую. (Целует другую руку.)

Глафира. Вы, видно, тоже начинаете входить во вкус вашей роли.

Лыняев. Я давеча боялся чего-то; а теперь так нахожу, что это очень приятная шутка.

Глафира (со вздохом). Да, да, к сожалению, только шутка.

Входит Анфуса.

Явление девятое

Лыняев, Глафира, Анфуса.

Анфуса. Ужинать уж... ждут... Что ночью-то. Сыро... Прислали уж... меня...

Глафира (Лыняеву). Пойдемте!

Лыняев. Я сейчас за вами.

Глафира и Анфуса уходят.

А какая она хорошенькая, какая милая, умная! Ведь вот долго ли! Посидишь этак вечера два с ней – и начнешь подумывать; а там только пооплошай, и запрягут! Хорошо еще, что она в монастырь-то идет; а то бы и от нее надо было бегать. Нет, поскорей поужинать у них да домой, от греха подальше, только она меня и видела. А после хоть и увижусь с ней, так только «здравствуйте!» да «прощайте!». Хороша

Волки и овцы. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
ты, Глафира Алексеевна, а свобода и покой, и холостая жизнь моя лучше тебя.

Действие четвертое

Лица

Купавина.

Глафира.

Анфуса.

Лыняев.

Василий Иванович Беркутов, помещик, сосед Купавиной; представительный мужчина, средних лет, с лысинкой, но очень живой и ловкий.

Горецкий.

Лакей Купавиной.

Комната в азиатском вкусе в доме Купавиной, с одним выходом на террасу; стеклянная растворенная дверь с портьерами; по сторонам двери два больших окна, закрытые драпировками; по стенам и под окнами мягкие диваны. За балюстрадой террасы виден сад и за ним живописная сельская местность.

Явление первое

Купавина, Глафира, потом лакей.

Купавина. Кажется, у тебя с Лыняевым дело подвигается?

Глафира. Ах, это только кажется.

Купавина. Он вчера был так любезен с тобой.

Глафира. По заказу, – это была шутка.

Купавина. Ты теряешь надежду, бедная?

Глафира. Ну, не совсем. Надо еще раз увидеть его, тогда я буду знать наверное, можно на него рассчитывать или нет.

Купавина. А вот сегодня увидишь. Мне Горецкий принес письмо от него; он приедет, и угадай, с кем?

Глафира. Что угадывать-то! По глазам видно, что жениха дожидаясь.

Купавина. Да, осчастливил нас Василий Иваныч Беркутов, прибыл из Петербурга.

Глафира. Когда они приедут?

Купавина. Конечно, вечером. Надо приодеться для такого дорогого гостя.

Глафира. Но до вечера Меропа Давыдовна может прислать за мной лошадей.

Купавина. Лошади и подождут.

Глафира. Рассердится.

Купавина. Посердится, да и помилует.

Глафира. Нескоро, на это она нетороплива.

Входит лакей.

Лакей (подавая письмо Купавиной). Меропа Давыдовна тарантас прислали и письмо

Волки и овцы. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
приказали вам отдать.

Купавина распечатывает и читает письмо про себя.

Глафира. Ну, так я и знала! Эко несчастье! Опять черное платье, опять притворство и постничанье!

Купавина (лакею). Вукол Наумыч в усадьбе?

Лакей. Никак нет-с, они в городе.

Купавина (с беспокойством). Что ж мне делать? Это так неожиданно... Я совершенно теряюсь.

Глафира. Что с тобой?

Купавина. А вот послушай, что Меропа Давыдовна пишет! (Лакею.) Ступай, скажи, чтоб кучер подождал!

Лакей уходит.

Глафира. Читай, читай.

Купавина (читает). «Милостивая государыня, Евлампия Николаевна!»

Глафира. Что-то строго начинается.

Купавина. Нет, ты послушай, что дальше-то! (Читает.) «Вам вчера не угодно было принять моего племянника. Если б вы были дома одни или вели очень скромную жизнь, я б ничего не сказала, а то у вас были люди, которые ничем его не лучше. Он такой же дворянин, как и Лыняев, и уж, верно, не глупее его. Или вы сделали это не подумавши, или вас научил какой-нибудь умный человек. Если уж вы забыли все мои одолжения и милости к вам, так должны были помнить, что за обиду я никогда в долгу не остаюсь. Вы так развлеклись или увлеклись, что забыли, что у вас с Аполлоном есть тяжба. Мы, по простоте и по доброте своей, думали пожалеть вас, подобно как малого беззащитного ребенка, и хотели кончить все дело миром, истинно по-христиански, в любви и согласии. Но коль скоро вы сами отворачиваетесь от нас и презираете благодетелей, то уж не гневайтесь на нас. Взыскание с вас очень большой суммы, чего и все ваше имение не стоит, я произведу со всею строгостию и жалеть вас и плакать о вас не буду. Бывшая ваша благодетельница Меропа Мурзавецкая». Как тебе это покажется?

Глафира. Не пугает ли она тебя?

Купавина. Вот сюрприз! Я не знаю, что и отвечать. Надо подождать этих господ, посоветуюсь с ними. Вот тебе поневоле приходится остаться.

Входит Анфуса.

Явление второе
Купавина, Глафира, Анфуса.

Анфуса. Уж приехали ведь... что ж вы!

Купавина. Неужели они?

Анфуса. Да кому ж?..

Купавина. Так я пойду оденусь.

Анфуса. Само собой уж... нешто хорошо!.. Почитай, чужой...

Волки и овцы. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Купавина. Попросите их подождать!

Анфуса. Да вон уж... Сюда... из сада.

Купавина (Глафире). Пойдем!

Уходят Глафира и Купавина.

Анфуса. Что б раньше-то!.. Говорила уж...

Входят Лыняев и Беркутов.

Явление третье
Анфуса, Лыняев, Беркутов.

Лыняев. Вот, Анфуса Тихоновна, рекомендую вам друга. Василий Иванович Беркутов.

Анфуса. Уж знаю... давно ведь...

Беркутов. Как ваше здоровье, почтенная Анфуса Тихоновна?

Анфуса. Ничего... так... голова иногда. Обождать уж... хоть здесь... просила... сейчас, мол...

Лыняев. Не беспокойтесь, Анфуса Тихоновна, мы подождем.

Анфуса. Ну, то-то!.. Не долго, чай... что ей там. Не взыщите! (Уходит.)

Лыняев. Вот она сама тебе расскажет, как выманили у нее тысячу рублей.

Беркутов. Не горячись, пожалуйста, не горячись!

Лыняев. Как не горячись? Не могу не горячиться; ведь это подлог, понимаешь ты, подлог!

Беркутов. Успокойся! Никакого подлога нет.

Лыняев. Да Горецкий признался. Чего ж тебе! Жаль, я проспал и не успел еще расспросить его хорошенько сегодня утром; потом ты приехал и утащил его у меня.

Беркутов. Я долго говорил с Горецким и в город с ним ездил. Он тебя обманул. Ему понадобились деньги, он и сказал напраслину на себя. Хорош и ты, поверил Горецкому.

Лыняев. Что ни говори, а это дело не чисто.

Беркутов. По-моему, в вашем обществе Меропа Давыдовна должна стоять выше подозрений. Хорошо общество, где все смотрят друг на друга, как на разбойников.

Лыняев. От Меропы всего ждать можно.

Беркутов. Провинциалы любят уголовщину, уж это известно. Вам скучно без скандалов, подкапывается друг под друга; больше вам делать-то нечего.

Лыняев. Да ведь грабят Евлампия Николаевну.

Беркутов. Ну, как хочешь, а пока я здесь, ты в ее дела не путайся, пожалуйста; я тебя прошу. Поищи себе другое занятие!

Лыняев. По-твоему, и Чугунов хороший человек?

Беркутов. А что ж Чугунов? Подьячий как подьячий, – разумеется, пальца в рот не кладет. Ведь вы, горячие юристы, все больше насчет высших взглядов, а, глядишь, простого прошения написать не умеете. А Чугуновы – старого закала, свод законов

Волки и овцы. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru на память знает; вот они и нужны.

Лыняев. Хорошо тебе – ты приедешь не надолго; а каково жить с этим народом! Попробовал бы ты.

Беркутов. Кто умеет жить, тот везде уживется; а кто ребячится, как ты, тому везде трудно. Я уживусь.

Лыняев. Посмотрим. Значит, ты к нам надолго?

Беркутов. Нет. После, может быть, и совсем здесь поселюсь; а теперь мне некогда: у меня большое дело в Петербурге. Я приехал только жениться.

Лыняев. На ком?

Беркутов. На Евлампии Николаевне.

Лыняев. У вас разве уж кончено?

Беркутов. Еще не начиналось.

Лыняев. Еще не начиналось, а ты уж так уверенно говоришь?

Беркутов. Да никаких причин не вижу сомневаться... Ох, брат, уж я давно поглядываю.

Лыняев. На Евлампии Николаевну?

Беркутов. Нет, на это имение, ну и на Евлампии Николаевну, разумеется. Сколько удобств, сколько доходных статей, какая красивая местность. (Указывая в дверь.) Погляди, ведь это роскошь! А вон, налево-то, у речки, что за уголок прелестный! Как будто сама природа создала.

Лыняев. Для швейцарской хижинки?

Беркутов. Нет, для винокуренного завода. Признаюсь тебе – грешный человек, я уж давно подумывал: Купавин – старик старый, не нынче, завтра умрет, останется отличное имение, хорошенькая вдова... Я уж поработал-таки на своем веку, думаю об отдыхе; а чего ж лучше для отдыха, как такая усадьба, красивая жена, какая-нибудь почетная должность...

Лыняев. Мы тебя в предводители.

Беркутов. Мы! А много ль вас-то? Вы тут ссоритесь, на десять партий разбились. Ну, вот я пристану к вам, так ваша партия будет посильнее. Знаешь, что я замечаю? Твое вольнодумство начинает выдыхаться; вы, провинциалы, мало читаете. Вышло много новых книг и брошюрок по твоей части; я с собой привез довольно. Коли хочешь, подарю тебе. Прогляди книжки две, так тебе разговору-то лет на пять хватит.

Лыняев. Вот спасибо. Значит, у тебя за малым дело стало, только жениться?

Беркутов. Да, жениться, мой друг, жениться поскорей. Имение я знаю, как свои пять пальцев; порядки в нем заведены отличные; надо торопиться, чтоб не успели запустить хозяйство. Умен был старик Купавин!

Лыняев. Под старость, кажется, немножко рехнулся.

Беркутов. Почему ты думаешь?

Лыняев. Лесу накопил тысяч на сто.

Беркутов. Эка умница! Вот спасибо ему!

Лыняев. Зато чистых денег Евлампии Николаевне оставил мало, она теперь нуждается.

Беркутов. И прекрасно сделал. Оставь он деньги, так их давно бы не было, а

Волки и овцы. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
лес-то стоит да растет еще.

Лыняев. Да куда его девать? На лес у нас никакой цены нет.

Беркутов. Лес Купавиной стоит полмиллиона. Через десять дней вы услышите, что здесь пройдет железная дорога. Это из верхних источников, только ты молчи пока.

Лыняев. Ай, ай! Ловко! А вот что! Я ведь тебе говорил, бланк-то она выдала Чугунову, бланк-то.

Беркутов. Могла скверная штука выйти.

Лыняев. Как «могла»?

Беркутов. Если б бланк попался в другие руки.

Лыняев. А Чугунов помилует, что ли?

Беркутов. У Чугунова, как у всех старых плутов, душа коротка, да и потребности ограничены. Я справлялся: он тут пустошь торгует, – три тысячи просят. Вероятно, он этим и удовольствуется.

Лыняев. Значит, препятствий нет, и ты женишься. Но любопытно, как ты это устроишь.

Беркутов. Ну, как – я еще не знаю, глядя по обстоятельствам; только, во всяком случае, это будет! Женщины любят думать, что они свободны и могут располагать собой, как им хочется. А на деле-то они никак и никогда не располагают собой, а располагают ими ловкие люди.

Входит Купавина.

Явление четвертое

Лыняев, Беркутов, Купавина.

Купавина. Извините, господа!

Лыняев. Нас извините, что мы не вовремя.

Беркутов (целуя руку Купавиной). Моя торопливость простительна, я так давно не видал вас... Нетерпение мое было так велико...

Купавина (с улыбкой). Что, если б крылья...

Беркутов. Я бы прилетел еще раньше.

Лыняев. Ну, для амура ты уж немножко тяжел стал.

Купавина. Да уж и стрелы, я думаю, порастратили.

Лыняев. Нет, он еще приберег для случая.

Купавина. Уж разве немного, и то не очень острые.

Беркутов. Зато я стал бережливее и не раскидываю их понапрасну.

Купавина. А стреляете только наверное?

Беркутов. По крайней мере не трачу даром, и то хорошо.

Лыняев. Не позволите ли вы мне погулять по саду? А то, если я после обеда долго в комнате...

Купавина. Так сон клонит?

Лыняев. Угадали.

Волки и овцы. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Купавина. Сделайте одолжение, поступайте, как вам угодно.

Лыняев (уходя). Чей это экипаж у вас на дворе?

Купавина. Мурзавецкая прислала за Глафирой Алексеевной.

Лыняев. Так она уезжает?

Купавина. А вам жаль?

Лыняев. Не скажу, чтоб очень. А скоро уезжает?

Купавина. Сейчас.

Лыняев. Счастливей путь, скатертью ей дорожка! (Уходит.)

Явление пятое

Купавина, Беркутов, потом лакей.

Купавина. Надолго вы к нам?

Беркутов. Нет, к несчастью, на короткое время, я приехал по делу.

Купавина. По делу?

Беркутов. Я бы мог обмануть вас, сказать, что приехал собственно затем, чтоб увидеть вас, чтоб полюбоваться на вас; но, во-первых, вы этому не поверите...

Купавина. А может быть, и поверю.

Беркутов. Ну, так я не хочу вас обманывать. После двух лет разлуки, как я смею рассчитывать, что мои нежности будут вам приятны. Вы могли перемениться, да, вероятно, и переменились. Вы теперь женщина богатая и свободная, ухаживать за вами не совсем честно; да и вы на каждого вздыхателя должны смотреть, как на врага, который хочет отнять у вас и то, и другое, то есть и богатство, и свободу. Прежде – другое дело: вы были в зависимом положении, да и оба мы были помоложе. (Со вздохом.) Ах, какое хорошее время было!

Купавина. Так вы совершенно отказываетесь ухаживать за мной?

Беркутов. Совершенно. А вам хотелось помучить меня, позабавиться? Не запирайтесь! Уж я вижу по глазам вашим. Ну, Бог с вами. Поберегите кокетство для других обожателей: у вас будет много. Побеседуем как деловые люди! Я приехал продать усадьбу.

Купавина. Что вам вздумалось? Родовое имение!

Беркутов. Так что ж, что родовое? Доходов очень мало, нет выгоды иметь его; чистые деньги мне больше дадут.

Купавина. И вас ничто не привязывает к месту вашего рождения, вам ничего не жаль здесь?

Беркутов. Может быть, и жаль, да расчету нет.

Купавина. Все расчеты, расчеты, и нисколько сердца.

Беркутов. Остывает оно с годами-то, Евлампия Николаевна. Купите у меня имение!

Купавина. У меня денег нет, да я и плохая хозяйка.

Беркутов. Вы скромничаете. У вас все так хорошо, все в таком цветущем виде, везде порядок, чистота.

Купавина. Чистота дело женское и очень немудреное; а как идет хозяйство у меня, я не имею и понятия. Бывают дела, которые выше моего соображения; я должна

Волки и овцы. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
доверяться посторонним людям и, конечно, могу быть обманута.

Беркутов. Что же, например?

Купавина. Да вот и теперь есть у меня дело, которое меня очень беспокоит.

Беркутов. Если не секрет, скажите!

Купавина. Нимало не секрет, я даже хотела посоветоваться с вами и просить вашей помощи.

Беркутов. Всей душой рад помочь вам, если только время позволит. В чем дело?

Купавина. Рассказывать долго, а вот лучше прочтите письмо. (Подает письмо Мурзавецкой.)

Беркутов (прочитав письмо, отдает его назад). Прочел-с.

Купавина. Что же вы скажете?

Беркутов. Надо узнать, как велика претензия, осмотреть документы.

Купавина. Я слышала, двадцать пять тысяч. А потом?

Беркутов. Потом поскорей заплатить деньги, чтоб не доводить до процесса. На всякий случай надо иметь тысяч тридцать. Есть у вас?

Купавина. Нет, у меня денег очень мало.

Беркутов. Это вот дурно.

Купавина. Вы меня пугаете.

Беркутов. Нисколько не пугаю; зачем мне вас пугать? Я только объясняю вам ваше положение.

Купавина. Какое же мое положение?

Беркутов. Незавидное. Вы очень богатая женщина, но эти тридцать тысяч так могут расстроить ваше состояние, что вам его никогда не поправить.

Купавина. Почему же?

Беркутов. Вы должны или заложить имение в банк...

Купавина. Вот и деньги!

Беркутов. Но тогда почти все доходы уйдут на проценты, и вам самим мало останется на прожитие.

Купавина. Так закладывать не надо.

Беркутов. В таком случае надо продать часть имения, лес например. У вас есть тысячи полторы десятин лесу.

Купавина. Как полторы? Четыре тысячи.

Беркутов. В другом месте это огромное богатство, а здесь на лес цены низки: лесопромышленники дадут вам рублей по десяти за десятину, – значит, надо продать его почти весь. А без лесу имение стоит грош. Дадут и дороже десяти рублей, но с рассрочкой платежа, по вырубке, а вам нужны деньги сейчас. Вот какое ваше положение!

Купавина. Да, я теперь вижу.

Входит лакей.

Волки и овцы. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Лакей. Василий Иванович, вас межевой спрашивает. Говорит, что непременно нужно вас видеть.

Беркутов (Купавиной). Позвольте мне в вашем присутствии сказать Горецкому десять слов, не более. Я посылаю его в Вологду межевать леса в моем имении.

Купавина. Сделайте одолжение. (Лакею.) Позови!

Лакей уходит.

Мы поговорить еще успеем.

Входит Горецкий.

Явление шестое
Беркутов, Купавина, Горецкий.

Беркутов (Горецкому). Что вам угодно?

Горецкий. За мной дядя прислал, велит сейчас приезжать. Как прикажете?

Беркутов. Вы не знаете, зачем?

Горецкий. Говорят, дело есть.

Беркутов (подумав). Поезжайте и делайте все, что вам прикажут. А между тем собирайтесь; вы поедете завтра на пароходе в полдень. Утром вы мне будете нужны; постарайтесь меня увидеть прежде, чем я буду у Меропы Давыдовны: выходите ко мне навстречу, на дорогу.

Горецкий. Хоть за пять верст, если прикажете.

Беркутов. Так далеко не нужно. Только постарайтесь, чтоб вас не заметили, вообще не будьте очень откровенны и не болтайте пустяков. Вы отдали пятнадцать рублей Михаилу Борисычу?

Горецкий. Сейчас в саду отдал-с. Денег мне не дадите?

Беркутов. Завтра утром пятьдесят рублей, а теперь ни гроша. Прощайте!

Горецкий кланяется и уходит.

Явление седьмое
Беркутов, Купавина.

Беркутов. Виноват. С Горецким я кончил и весь к вашим услугам.

Купавина. Угодно вам продолжать наш разговор? Утешьте меня!

Беркутов. Очень рад, очень рад. Я удивляюсь, как вы до сих пор не сочлись с Мурзавецкой, – вы видите с ней часто. Надо было хорошенько разобрать дело, – на слово никому верить не должно, – и сойтись на какую-нибудь сделку, склонить ее на уступку, на рассрочку, чтоб расплатиться без затруднений и без хлопот. Вы, как видно, не успели привести в ясность ни имения вашего, ни доходов, ни обязательств, которые лежат на вашем имении. Вы скажете: «Я все пела». Прекрасно. С вас и требовать многого нельзя: вы неопытны, ваше положение новое для вас. Но неужели у вас, кроме продажного подьячего, не было ни близких, ни знакомых, кто бы мог привести в порядок дела по вашему имению? Неужели вы ни в ком не видали участия к вам, не имели ни от кого доброго совета?

Купавина. Нет, имела.

Беркутов. Да что же?

Купавина. Да не послушала.

Беркутов. И даже не отвечали на письмо...

Купавина. Довольно странное, в котором...

Беркутов. Было все, что нужно для вас: дружеское участие и практические советы.

Купавина. Вы сердитесь на меня?

Беркутов (с улыбкой). Нет.

Купавина. Так докажите, что не сердитесь, и помогите мне добрым советом!

Беркутов. Это моя обязанность. Но примете ли вы мой совет? Дайте мне слово, что вы меня слушаете.

Купавина. Связать себя словом, не зная...

Беркутов. Не бойтесь, мой совет бескорыстен: я имею в виду вашу одну пользу.

Купавина. В таком случае я приму. Что ж вы мне посоветуете?

Беркутов. Выходите поскорей замуж!

Купавина (с изумлением). Замуж? За кого?

Беркутов. За Мурзавецкого.

Купавина. Вы меня оскорбляете.

Беркутов. И в помышлении не имел ничего, кроме доброго расположения к вам.

Купавина. Я не знаю, как они осмелились! Намеки Меропы Давыдовны очень понятны были.

Беркутов. Да отчего ж им не сметь? Он – дрянь мальчик; но ведь своих недостатков он не замечает. Он дворянин, еще молод, может получить кой-что от тетки, и нельзя сказать, чтобы вы, с вашим приданым, стояли для него очень высоко.

Купавина. Вы или шутите, или хотите обидеть меня.

Беркутов. Ни то, ни другое; всякий умный человек скажет вам то же, что я.

Купавина. Так, по-вашему, для меня единственное средство – выйти за Мурзавецкого?

Беркутов. Не единственное, но лучшее, чтоб сохранить в целости имение и не разориться.

Купавина (твердо). Так выходить? Я вас решительно спрашиваю...

Беркутов. Да, выходите! Хорошо сделаете, очень хорошо.

Купавина. Какой тон у вас равнодушный! Вы, как медик, приговариваете к смерти без сострадания.

Беркутов. Но когда обращаются к медику, так от него не сострадания требуют, а знания своего дела и полезного совета.

Купавина. Я могла надеяться, судя по нашим прежним отношениям...

Беркутов. Беспощадное время уносит все.

Купавина. И по последнему письму...

Волки и овцы. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Беркутов. За последнее письмо извините! Сбираясь сюда не надолго и, вероятно, в последний раз, я хотел встретиться со всеми любезно и оставить по себе хорошее впечатление. Может быть, я пересолил, впал в пошлость...

Купавина. Только?

Беркутов (холодно). Только. Вы еще не отвечали Мурзавецкой на письмо?

Купавина. Нет.

Беркутов. Надо отвечать.

Купавина. Я не знаю – что.

Беркутов. Это не мудрено. Если хотите, я вам помогу. Я завтра утром буду у Мурзавецкой и поговорю о вашем деле; может быть, оно и не так страшно, как кажется издали. Вы мне доверяете?

Купавина. Я прошу вас.

Входит Лыняев.

Явление восьмое
Купавина, Беркутов, Лыняев.

Лыняев. Ходил, ходил по саду, еще хуже, так и клонит.

Купавина. Этому горю помочь очень легко. Мы с Васильем Ивановичем пойдем писать письмо Мурзавецкой, а вы можете расположиться здесь как вам угодно. Эту комнату мой муж нарочно и устроил для послеобеденных отдыхов: окна на север, кругом зелень, тишина, мягкие диваны...

Лыняев. Именно все это мне и нужно для того, чтоб быть совершенно счастливым.

Купавина. Так и будьте!

Лыняев. Постараюсь.

Купавина и Беркутов уходят.

Кто что ни говори, а холостая жизнь очень приятна. Вот теперь, например, если бы я был женат, ведь жена помешала бы спать. «Не спи, душенька, нехорошо, тебе нездорово, ты от этого толстеешь». А того и знать не хочет, как ее «душеньке» приятно уснуть, когда сон клонит и глаза смыкаются... (Садится на диван под окном.)

Глафира из-за портьеры смотрит на него страстным, хищническим взглядом, как кошка на мышь.

А как хорошо просыпаться холостому! Как только откроешь глаза, первая мысль: что ты сам себе господин, что ты свободен. Нет, я неисправимый холостяк, я свою дорогую свободу не променяю ни на какие ласки бархатных ручек! (Медленно склоняется к изголовью.)

Глафира, выйдя из-за портьеры, обнимает его одной рукой за шею и смотрит ему прямо в глаза. Лыняев, приподнимаясь, смотрит на Глафиру с испугом.

Явление девятое
Лыняев, Глафира.

Волки и овцы. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Глафира (поднося платок к глазам). Что вы со мной сделали?

Лыняев (вставая с дивана и протирая глаза). Я? Нет, что это вы-то со мной делаете?

Глафира. Я не знаю... я помешалась... я не помню ничего. А во всем вы виноваты, вы...

Лыняев. Ни душой, ни телом.

Глафира. Нет, вы... Я вам говорила...

Лыняев. Чем я виноват, чем?

Глафира. Я вам говорила, я вас предупреждала, что сильная страсть может вспыхнуть во мне каждую минуту... Я такая нервная... Ну, вот, ну, вот!.. А вы, зная мою страстность...

Лыняев. Да ведь я по вашему приказанию...

Глафира. Я вам говорила... а вы сводили меня с ума своими похвалами, целовали мои руки...

Лыняев. Да ведь шутка, Глафира Алексеевна... шутка...

Глафира. Я вам говорила, что любовь, кроме страданий, ничего мне не доставит... Я ведь вам говорила, а вы... Ну вот я не спала всю ночь; я полюбила вас до безумия.

Лыняев. Ах, вот беда-то! Ну, простите меня!

Глафира. Я вам говорила, что если уж я люблю...

Лыняев. Да, говорили, кажется... но успокойтесь!

Глафира (с отчаяньем). Вы меня погубили.

Лыняев. Ну, я виноват, я каюсь. Ради Бога, извините! Я неумышленно... (Хочет поцеловать у Глафиры руку.)

Глафира. Не дотрагивайтесь до меня!.. Я такая нервная...

Лыняев. Но позвольте же поцеловать вашу ручку на прощанье! И поезжайте, поезжайте!..

Глафира. Ах, нет, оставьте... не трогайте!

Лыняев. На прощанье! Я по крайней мере буду знать...

Глафира. Я такая нервная...

Лыняев. Что вы меня не презираете. (Берет руку Глафиры.)

Глафира. Я говорила вам...

Лыняев. Ведь вы уедете?.. Уедете? Ну, и поезжайте! (Целует руку Глафиры.)

Глафира. Ах, я такая нервная... Ах, ах! (Бросается на шею Лыняеву и закрывает глаза.)

Лыняев. Что же это вы? Глафира Алексеевна! Глафира Алексеевна!

Глафира (открыв глаза). Ах, сюда идут, кажется.

Лыняев. Они ходят по террасе.

Глафира. Ах, ах! (Закрывает глаза.)

Лыняев. Глафира Алексеевна, Глафира Алексеевна, не беспокойтесь... они сюда не

Волки и овцы. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
пойдут.

Глафира. Вы меня погубили!.. Что подумают! Куда мне деться? Другого выхода нет...

Лыняев. Да вы потише, не очень громко, а то...

Глафира. Разве они слышат? Спрячьте меня, спрячьте!

Лыняев. Да куда же мне вас?.. Разве за драпировку?..

Глафира. Да вот они идут... Вы меня погубили!

Лыняев. Да тише, ради Бога, тише!

Глафира. Ах, что вы со мной сделали! (Бросается ему на шею и закрывает глаза.)

Показываются в дверях Беркутов и Купавина.

Явление десятое

Лыняев, Глафира, Беркутов, Купавина, потом лакей.

Беркутов. Что я вижу? Друг мой!

Купавина. Михайло Борисыч, Михайло Борисыч! Вот вы какой! Ах, притворщик!

Лыняев (сквозь слезы). Ну, что ж! Ну, я женюсь.

Входит лакей.

Лакей. Глафира Алексеевна, лошади готовы.

Глафира. Ах, и люди тут! Что вы со мной сделали? Что теперь Меропа Давыдовна?..

Купавина. Ах, бедная! Ты останься у меня!

Беркутов. Не беспокойтесь! Я завтра утром буду у Меропы Давыдовны, я ей объясню все.

Лыняев (чуть не плача). Ну, что ж, я женюсь. Ты так и скажи, пожалуйста! Скажи, что я женюсь.

Действие пятое

Лица

Мурзавецкая.

Мурзавецкий.

Чугунов.

Беркутов.

Купавина.

Анфуса.

Глафира.

Лыняев.

Павлин.

Декорация первого действия.

Волки и овцы. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Явление первое
Павлин, входит Чугунов.

Чугунов. Здравствуй, Павлинушка!

Павлин. Здравствуйте, сударь! Немножко раненько пожаловали.

Чугунов. Так приказано. Дай-ка табачку-то!

Павлин (подавая табакерку). Извольте, сударь.

Чугунов. Встали?

Павлин. Сели чай кушать. Да вот они сами изволят.

Входит Мурзавецкая. Павлин уходит.

Явление второе
Мурзавецкая, Чугунов.

Мурзавецкая. А, ты здесь уж? Здравствуй!

Чугунов. Здравствуйте, матушка Меропа Давыдовна! Как почивать изволили?

Мурзавецкая (сажаясь). Ничего. Садись!

Чугунов садится.

Гнать бы мне тебя надо было.

Чугунов. За что же, матушка?

Мурзавецкая. Просим Бога избавить нас от лукавого; а лукавый-то ведь – это ты.

Чугунов. Где уж мне, благодетельница! Умишка на такую должность не хватит. Мне бы только вам уметь угодить, с меня и довольно.

Мурзавецкая. Письмо получила.

Чугунов. Слушаю-с.

Мурзавецкая. Приедет сегодня Несмеяна-то царевна, испугалась.

Чугунов. Чай, простите?

Мурзавецкая. Нет, отомщу, отомщу. Грех на душу возьму, а отомщу! (Стучит костылем.)

Чугунов. Чем отомстить-то? Все только грозите. А кто нынче угрозы-то боится?

Мурзавецкая. Твое дело дьявольства-то придумывать! Что у тебя на уме, сказывай!

Чугунов. Что сказывать-то, коли сердитесь.

Мурзавецкая. Нет, говори! Ты знаешь, я упряма: уж коли приказываю, так говори!

Чугунов. Как вам угодно, а, по-моему, простить нельзя-с. Против благодетельницы своей да такая насмешка!

Мурзавецкая. Да, да, вот!

Чугунов. Вы кто у нас в губернии-то? Каков бы ни был Аполлон Викторыч, да он ваш племянник. Легко сказать, племянник Меропы Давыдовны! Много ль таких-то особ.

Волки и овцы. Александр Николаевич Островский ostrovskya1alexander.ru

Мурзавецкая. Ну вот, поди ж ты, какая герцогиня нашлась.

Чугунов. Сама приглашала; вы тут дожидаетесь ответу, беспокоитесь, а там его лакеи чуть не в шею.

Мурзавецкая. Да, да. (Громко.) Аполлон, поди сюда.

Чугунов. На что похоже, помилуйте!

Входит Мурзавецкий, одет по-охотничьи, в руках ружье.

Явление третье
Мурзавецкая, Чугунов, Мурзавецкий.

Мурзавецкая. Ты куда это?

Мурзавецкий. Вальдшнепы показались по садам, перебить надо.

Мурзавецкая. Купавина тебя сама приглашала?

Мурзавецкий. Сама, ма тант; я вам тогда говорил.

Мурзавецкая. Да, может быть, так, мимоходом?

Мурзавецкий. Мимоходом? Так на шею и бросается; уж я ее останавливал, говорил: лесё, нехорошо!

Чугунов. Вот, вот она какая!

Мурзавецкая. Может быть, Аполлон и лжет, а все же хоть что-нибудь есть и правды.

Мурзавецкий. Все правда, ма тант.

Мурзавецкая. Ну, а дальше что?

Мурзавецкий. А дальше – малёр. Мало того, что не пустила, а еще поставила засаду из лакеев. И если бы не мой Тамерлан – ну, адьё, мон плезир! Только бы вы меня и видели, ма тант. Лев, а не собака: того за горло, другого за горло, ну и разбежались, и я жив. Собака – друг. (Свищет.) Тамерлан, иси! Друг единственный! [22]

Мурзавецкая. Не надо, не надо, оглушил. Ступай!

Мурзавецкий уходит в переднюю.

Явление четвертое
Мурзавецкая, Чугунов, потом Павлин.

Мурзавецкая. Что ж это такое, Вукол, а?

Чугунов (нюхая табак). Насмешка.

Мурзавецкая. Над кем?

Чугунов. Над вами, видимое дело.

Мурзавецкая. Отмстить–то ей я отомщу, уж найду случай, не умру без того; да мне бы теперь–то зло сорвать дороже всего.

Чугунов. Надо теперь, что откладывать! Еще забудете, пожалуй.

Мурзавецкая. Не забуду я, милый, не забуду никогда!

Волки и овцы. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Чугунов. Они теперь, чай, смеются с Лыняевым.

Мурзавецкая. Да что ты меня дразнишь-то, сутяга! За тем, что ли, я тебя позвала-то?

Чугунов. Чем я вас дразню? Сами знаете, что смеются.

Мурзавецкая. Молодая бабенка, и ума-то не важного, смеется над нами, как над дураками; а мы с тобой, старые умники, сидим да ничего сделать ей не можем.

Чугунов. Все можно сделать, все.

Мурзавецкая. Да что? Пусть приедет, да прощенья просит, вот что мне нужно!

Чугунов. И это можно.

Мурзавецкая (стуча костылем). Хвастаешь, хвастаешь, приказная крыса!

Чугунов. На коленях будет стоять.

Мурзавецкая. Говорю, не дразни! Костылем ведь тебя!

Чугунов. Спасибо скажете, а не то, что костылем.

Мурзавецкая. Ну, бес воплощенный, что у тебя за каверзы, говори!

Чугунов (вынимая бумагу). А вот покажите-ка ей, пусть посмотрит!

Мурзавецкая (взяв бумагу). Что это? Письмо к Аполлону.

Чугунов. Извольте прочитать.

Мурзавецкая (читает). «Милостивый государь, Аполлон Викторыч! По делам моим с покойным родителем вашим, остался я должен ему в разное время тысяч до тридцати, что вы можете усмотреть из конторских книг и счетов, если таковые сохранились. Но весьма может быть, что, по известной небрежности вашего родителя, в его бумагах не осталось никаких следов моего долга. Я нисколько не желаю скрывать оный и лишать вас удовлетворения, на каковой конец и прилагаю при сем узаконенной формы документ...». Так ты вот что придумал! А про Сибирь-то забыл?

Чугунов. Да что за пропасть! Только и слышу от всех, что Сибирь да Сибирь.

Мурзавецкая. Дела твои, милый, такие; оттого и слышать тебе часто приходится.

Чугунов (вынув из кармана векселя). Вот и векселя!

Мурзавецкая. Готово уж? Нет, Вукол, в тебе дьявол сидит. Как вас, скариотов, земля терпит? А что за книга это у тебя?

Чугунов. Конторская старая; тут и счета есть. Из кладовой мы ее достали, отсырела она, пятнышками пошла. Векселя у меня в ней всю ночь лежали, да и теперь пусть лежат, да выцветают, а то свежи чернила-то. Да тут им и быть следует! (Берет векселя у Мурзавецкой.) Поглядите, какая чистота-то!

Мурзавецкая. Что глядеть-то, дьявол тебе помогает.

Чугунов. Только это и слышу от вас. (Кладет векселя в книгу и отдает Мурзавецкой.)

Мурзавецкая. Да как же не дьявол! Разве человек сам на такую гадость решится? Да хоть бы и решился, так одному, без дьявола, не суметь.

Чугунов. Думаешь угодить, а вы браните. Вот житье-то мое!

Мурзавецкая. Полно хныкать-то!

Чугунов. Да право! Лучше отдайте, я их уничтожу.

Волки и овцы. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Мурзавецкая. Ну, как не отдать! Говори, крыса, что мне с ними делать-то?

Чугунов. Евлампия Николаевна приедет, вы покажите векселя, да постройте обойдитесь. Уплатите, мол, немедленно, а то ко взысканию подам. Ну, уж тут она вся в ваших руках: что хотите, то с ней и делайте.

Мурзавецкая. Ну, да, ну, да! Пугнуть только; а то неужто ж в суд представлять! Ведь они фальшивые. (Кладет книгу на стол.)

Чугунов. А как сделаны-то, загляденье! Эх! Представить бы их завтра к мировому – к вечеру исполнительный лист готов; а то письма пишете, грозите, предупреждаете только. Пожалуй, и доверенность мою уничтожат.

Мурзавецкая. Против своей барыни-то! Хорош управляющий!

Чугунов. Я уж себя обеспечил, на пустошь денег добыл. Что мне ее жалеть-то! Все тридцать тысяч взыскали бы – мне двадцать процентиков.

Мурзавецкая. Да как ты посмел рот-то разинуть! Кому ты говоришь? Благородной даме ты такие подлости предлагаешь! Так бы вот тебя по лысине-то и огрела. Да и стоит. (Прислушиваясь.) Никак кто-то подъехал! Поди закуси что-нибудь! Я тебя после позову.

Чугунов уходит. Входит Павлин.

Павлин. Василий Иванович Беркутов.

Мурзавецкая. Какой такой Беркутов? Да, да, да, помню. Проси!

Павлин уходит. Входит Беркутов.

Явление пятое
Мурзавецкая, Беркутов.

Беркутов. Честь имею представиться! Изволите помнить?

Мурзавецкая. Ну как, батюшка Василий Иванович, не помнить! Милости прошу садиться!

Беркутов садится.

Давно приехали?

Беркутов. Третьего дня вечером. Извините! Вчера же хотел быть у вас, да очень устал с дороги. Еще в Петербурге поставил для себя долгом по приезде сюда, нимало не откладывая, явиться к вам засвидетельствовать свое почтение и сообщить, что молва о вашей подвижнической жизни, о ваших благодеяниях достигла уже и до столиц.

Мурзавецкая. Благодарю, батюшка!

Беркутов. Кроме того, мне, как приедем, любопытно знать житье-бытье в нашей губернии; а от кого же я могу получить более верные сведения и более справедливые отзывы, как не от вас.

Мурзавецкая. Уж кому ж и знать наши дела, как не мне?

Беркутов. Как у нас земство, Меропа Давыдовна?

Мурзавецкая. Ну, что! Через пень колоду валят.

Беркутов. А что же бы к вам за советом?

Волки и овцы. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Мурзавецкая. Все сами умники, поедут они к старухе, как же!

Беркутов. Положим, что между ними есть люди и неглупые, но ведь у вас только могут они занять опытность, знание жизни народной и нужд здешнего края. Нет, если б я стал служить здесь...

Мурзавецкая. А кто ж мешает?

Беркутов. Дела есть неоконченные. Я бы, разумеется, стал баллотироваться на более видные должности.

Мурзавецкая. Да сделайте милость! Вот у нас скоро выборы будут в предводители, в председатели земской управы...

Беркутов. Я ведь только к тому говорю, Меропа Давыдовна, что если бы я служил, я бы без вашего совета ничего не делал.

Мурзавецкая. Послушай-ка, Василий Иванович, уж извини меня, старуху, баллотируйся!

Беркутов. И своим-то умом Бог не обидел, да с вашими бы советами... да тогда вся губерния была бы у нас с вами в руках.

Мурзавецкая. Говорю тебе, баллотируйся! Чего тебе бояться?

Беркутов. Да мне бояться нечего: я здесь со всеми в ладу. Хоть ребячеств Лыняева и всей их компании я и не одобряю, а все-таки не ссорюсь и с ними.

Мурзавецкая. Именно, ребячества, вот уж верное-то слово ты сказал.

Беркутов. Разумеется, я душою всегда буду с вами, в вашей партии.

Мурзавецкая. Ну, так мы тебя и запишем; значит, нашего полку прибыло.

Беркутов. Я подумаю, Меропа Давыдовна, подумаю. Позвольте вам услужить! Я с собой привез несколько книг духовного содержания...

Мурзавецкая. Сделай милость, одолжи!

Беркутов. Да я вам их подарю. (Встав.) Честь имею кланяться. Мне нужно сделать в городе несколько визитов. Я еще заеду к вам, и не один раз, если позволите. Беседа с вами так назидательна. (Раскланивается.)

Мурзавецкая. Милости прошу во всякое время.

Беркутов. Ах, извините! У меня есть к вам небольшая просьба.

Мурзавецкая. Что такое, батюшка? Очень рада служить, чем могу.

Беркутов. Я имею поручение от соседки моей, Евлампии Николаевны. Дело-то не важное.

Мурзавецкая. Как не важное? Нет, уж это она напрасно так думает.

Беркутов. Во-первых, она просит у вас извинения и сама сегодня будет у вас.

Мурзавецкая. Вот так-то лучше, давно бы ей догадаться.

Беркутов. А что касается до долга ее мужа вашему покойному брату, или теперь вашему племяннику, так неизвестно, признавал ли господин Купавин этот долг.

Мурзавецкая. Признавал, сам признавал, как же.

Беркутов. Да почем вы знаете?

Мурзавецкая. Письмо есть.

Беркутов. Послушайте, Меропа Давыдовна, и вы этому верите?

Волки и овцы. Александр Николаевич Островский ostrovskya@alexander.ru
Мурзавецкая. Да как не верить, коли и документы, и все у меня налицо.

Беркутов. Какие же они негодяи! Что они с вами делают!

Мурзавецкая. Кто это, кто?

Беркутов. Племянничек ваш, Аполлон, и компания.

Мурзавецкая. Да вы не забываетесь, милостивый государь! Вы у меня в доме.

Беркутов. Нет, гоните его, гоните всех их скорее!

Мурзавецкая. Он дворянин... Да если б он слышал. Да и я... ведь я его тетка! Или извольте замолчать...

Беркутов. Позвольте! Я вас понимаю: у вас такое любящее сердце, вы и не подозреваете всей гнусности...

Мурзавецкая. Нет, увольте меня от ваших разговоров! Сделайте одолжение, увольте! Прошу вас, увольте!

Беркутов. Что они? Им терять нечего. А этакую даму, почтенную, видеть на скамье подсудимых! Вся губерния будет смотреть...

Мурзавецкая (в испуге). Как на скамье подсудимых?

Беркутов. Я вам сейчас объясню: скрывать незачем, уж все это теперь многим известно; завтра дойдет до прокурора, начнется следствие. Главный виновник, Горецкий, ничего не скрывает, его, должно быть, скоро арестуют.

Мурзавецкая. Да что такое, что?

Беркутов. Написаны фальшивые векселя на покойного Купавина; сделано это вчера; я подозреваю вашего племянника, не вас же подозревать, в самом деле.

Мурзавецкая. Нет, нет, не меня, не меня!

Беркутов. Написали письмо от имени Купавина вашему племяннику и два векселя, достали из кладовой старую конторскую книгу и положили их туда. (Увидав на столе книгу.) Вот в такую книгу. (Берет книгу и разворачивает.) Да вот они здесь! И в книге счет выведен... помарки, почистки. Прекрасно! Вещественные доказательства...

Мурзавецкая. Батюшка, не погуби!

Беркутов. Теперь моя главная забота: спасти вас.

Мурзавецкая. Спасай меня, батюшка, спасай! В ножки поклонюсь.

Беркутов. Не беспокойтесь! Я постараюсь всеми силами потушить это дело. Вас очень жаль! Чем вы виноваты!

Мурзавецкая. Ничем, батюшка, ничем!

Беркутов. Еще есть письмо, по которому вы получили тысячу рублей.

Мурзавецкая. Уж не упомяну, батюшка, не упомяну; память плоха стала.

Беркутов. Я вам напомню. (Вынув из кармана письмо.) Вот оно! Оно того же мастера. Вам надо будет деньги возвратить.

Мурзавецкая. Где ж я возьму, уж я их все раздала бедным; они теперь Бога молят... не отнимать же у них.

Беркутов. Разумеется, вы были в заблуждении; но что ж делать, возвратить придется, если дело дойдет до суда. Впрочем, вы пока не беспокойтесь, выкиньте все это из головы!

Мурзавецкая. И рада б выкинула, да нейдет. Ошеломил да и говорит: из головы

Волки и овцы. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
выкиньте!

Беркутов. Развлеките себя! Поговорим о чем-нибудь другом.

Мурзавецкая. Боюсь я, голубчик, окружного-то суда; страсть как боюсь.

Беркутов. Ну, может быть, дело как-нибудь и уладится. Вот вам новость! Лыняев сделал предложение Глафире Алексеевне.

Мурзавецкая. Да ну их! Что это сердце-то как дрожит... Изловила-таки она его!

Беркутов. И, кажется, очень ловко.

Мурзавецкая. Поделом ему! Ничего мне его не жаль! Не унимается сердце-то... А вы-то холостой?

Беркутов. Холостой.

Мурзавецкая. Что ж не женитесь?

Беркутов. Сначала дела мешали, а теперь невесты не найду. Посватайте!

Мурзавецкая. Кого б тебе посватать? Вот в виски вступило. Да чего ж лучше, соседка твоя, Евлампия Николаевна.

Беркутов. Она, кажется, не очень расположена ко мне; а я бы не прочь.

Мурзавецкая. Так сватать, что ли?

Беркутов. Сватать не сватать, а я бы попросил вас поговорить с ней поласковее, узнать ее мнение, посоветовать ей.

Мурзавецкая. Да уж не учи, я не глупей тебя на эти дела. Только ты меня выручи! Да вот тысяча-то рублей...

Беркутов. Вы для меня, а я для вас. Евлампия Николаевна должна сейчас приехать, а вместе с ней и Глафира Алексеевна, и Лыняев.

Мурзавецкая. Так уж ты меня извини, я пойду распорядюсь. Надо завтрак приготовить и кофей, жениха-то принять; ведь племянник будет.

Беркутов. Обо мне не беспокойтесь! Мне бы нужно сейчас же видеть Чугунова.

Мурзавецкая. Да он, каторжный, тут. Я его сейчас пошлю. Вукол, Вукол! Да вот он!

Мурзавецкая уходит. Входит Чугунов.

Явление шестое
Беркутов, Чугунов.

Беркутов. Здравствуйте, Вукол Наумыч! (Подает руку.)

Чугунов. Мое почтение, Василий Иванович! Давно ли пожаловать изволили-с?

Беркутов. Только что приехал. Очень приятно вас видеть. Как поживаете, Вукол Наумыч?

Чугунов. Благодарение Создателю, Василий Иванович, не жалуюсь.

Беркутов. Душевно рад. Я вас от дела не отвлекаю ли? Мне желательно поговорить с вами несколько минут.

Чугунов. Сколько вам угодно. Готов служить.

Беркутов. Нужно мне, почтеннейший Вукол Наумыч, некоторые сведения собрать насчет здешней местности.

Волки и овцы. Александр Николаевич Островский ostrovskya1alexander.ru

Чугунов. Да-с? (Вынув табакерку.) Не прикажете ли?

Беркутов. Не нюхаю; а впрочем, позвольте! (Нюхает.) Чем это он пахнет?

Чугунов. Жасмином-с. Нарочно произрашаю: и цветок приятно иметь в доме на окне, и запах-с. Хорошие табаки стали из моды выходить. Прежде был табак под названием «Собрание любви», – вот, я вам доложу, Василий Иванович, табак был... Так что же вам угодно насчет местности?

Беркутов. Видите ли, поговаривают о Сибирской железной дороге; мы, как здешние помещики, заинтересованы в этом деле; и если нет никаких физических препятствий, гор, например...

Чугунов. Препятствий и гор нет-с, плоская губерния. Только что же мы будем доставлять в Сибирь, какие продукты?

Беркутов. Продукты есть, Вукол Наумыч.

Чугунов. Интересно послушать-с.

Беркутов. Я думаю, вам случалось читать в газетах, что в последнее время много стало открываться растрат, фальшивых векселей и других бумаг, подлогов и вообще всякого рода хищничества. Ну, а по всем этим операциям находятся и виновные; так вот эти-то продукты мы и будем посылать в Сибирь, Вукол Наумыч.

Чугунов. Шутить изволите.

Беркутов. Какие шутки! Да вот, недалеко ходить, сейчас один молодой человек сам сознался, что наделал фальшивых векселей.

Чугунов (качая головой). Скажите пожалуйста, какие дела творятся на белом свете!

Беркутов. Как его фамилия-то? Горецкий, кажется.

Чугунов. Горецкий... позвольте! Есть такой, есть-с... слышал.

Беркутов. Он говорит, что его принудили, и черновые представил, с которых его списывать заставляли.

Чугунов. Очень нужно путать людей! Не понимаю. Ведь уж ему не легче от того будет. Молод еще.

Беркутов. Он еще сознался, что вексель на госпожу Купавину писал, а Евлампия Николаевна сегодня заявляет, что у нее похищен бланк.

Чугунов. Какие дела-то!

Беркутов. Вот что, Вукол Наумыч, не с вами ли вексель-то? А коль не с вами, так принесите его поскорей!

Чугунов. Нет, зачем же-с! Я вам очень благодарен, Василий Иванович.

Беркутов. За что же?

Чугунов. Предупредили. Я теперь вексель уничтожению предаю. Пусть Горецкий путает, а я и знать не знаю, у меня и не было никакого.

Беркутов. Жаль! Вам, хоть не всю сумму, а все-таки что-нибудь получить надо бы по этому векселю.

Чугунов. Да, конечно, Василий Иванович, надо бы. Ведь какой благородный поступок-то с моей стороны! Выдают бланки зря... Да другой бы, помилуйте... Кому ж нужно от своего счастья отказываться!

Беркутов. Справедливо, Вукол Наумыч, справедливо. Да и Евлампии Николаевне надо наказать, чтобы она была вперед осторожнее.

Волки и овцы. Александр Николаевич Островский ostrovskya1alexander.ru
Чугунов. Надо наказать, Василий Иванович, надо. Как это можно бланки выдавать! Отберут имение—то как раз. Вот я только три тысячи написал, а ведь у всякого ли совесть—то такая, как у меня.

Беркутов. Укоротите вексель—то немного, Вукол Наумыч; напишите, что получили часть в уплату; а остальные Евлампия Николаевна заплатит. Доставайте вексель! Вот чернила и перо!

Чугунов. Слушаю—с! (Вынимает вексель, надевает очки, берет перо.) Как писать прикажете, Василий Иванович?

Беркутов. По сему векселю получено в уплату две тысячи...

Чугунов. Тысячу рублей только оставляете? Маленько, Василий Иванович.

Беркутов. Нет, и тысячи рублей много, Вукол Наумыч.

Чугунов. А какое благородство с моей стороны!

Беркутов. Вот мы его и оценим как следует. (Диктует.) Получено в уплату две тысячи пятьсот...

Чугунов. Только пятьсот? Уж это даже несколько и обидно.

Беркутов. Нет, и не пятьсот, а меньше. Пишите, пишите! Две тысячи пятьсот пятьдесят рублей. Почему я прибавил эти пятьдесят рублей, я вам скажу после. Остальные получите.

Чугунов (положив вексель в карман). Покорнейше вас благодарю, чувствительнейшую вам приношу благодарность.

Беркутов. Когда ваш племянник рассказал мне все дела и ваши черновые представил, я сначала хотел ехать к прокурору.

Чугунов. Нет, зачем к прокурору! Вам, Василий Иванович, в такие грязные дела путаться какой расчет? Только срам.

Беркутов. А потом рассудил переговорить прежде с Меропой Давыдовной и с вами.

Чугунов. Очень хорошо и основательно поступили. Мало, что ль, у прокурора дел—то и без наших!

Беркутов. А чтоб ваш племянник не болтал тут, чего не нужно... Он какой—то сорвиголова!

Чугунов. Шальной мальчишка!

Беркутов. Я его отправил в Вологду обойти мои леса; он уж теперь катит на пароходе. На дорогу я ему дал пятьдесят рублей; а ведь это ваша была обязанность, Вукол Наумыч; вот эти—то пятьдесят рублей я у вас и вычел.

Чугунов. Очень хорошо—с. Долго ли погостите у нас, Василий Иванович?

Беркутов. Еще не знаю. Как дела позволят.

Чугунов. Коли будет какое делишко, так не обойдите, по старому знакомству!

Беркутов. Непременно, Вукол Наумыч, непременно.

Чугунов. Вот гости, должно быть. До приятного свидания—с! (Уходит.)

Входят Купавина и Анфуса, из гостиной выходит Мурзавецкая.

Явление седьмое

Беркутов, Мурзавецкая, Купавина, Анфуса.

Волки и овцы. Александр Николаевич Островский ostrovskya1alexander.ru
Мурзавецкая (Купавиной). Ну, вот и хорошо сделала, что приехала, родная моя.
Старших уважай.

Купавина. Я очень жалею, Меропа Давыдовна, что подала вам повод к
неудовольствию.

Мурзавецкая. Кто старое помянет, тому глаз вон.

Беркутов. Евлампия Николаевна, я ваше поручение исполнил.

Купавина. Благодарю вас.

Беркутов. Меропа Давыдовна и племянник ее считают себя совершенно
удовлетворенными и никаких претензий на вас более не имеют. Так ли, Меропа
Давыдовна?

Мурзавецкая. Он правду говорит, правду. Посылай таких адвокатов, так всегда из
воды суха выдешь.

Купавина. Значит, я всем обязана вам. Сколько же я вам должна?

Беркутов. Сочтемся после, Евлампия Николаевна.

Мурзавецкая (Беркутову). Пошел бы ты закусил что-нибудь! Времени-то много; чай,
с утра из усадьбы-то? Поди-ка, мать Анфуса, похозяйничай за меня! Мы сейчас
придем.

Анфуса. Да, уж... с дороги-то... и я уж...

Уходят Беркутов и Анфуса.

Явление восьмое
Мурзавецкая, Купавина.

Мурзавецкая. Извини меня, друг мой, что я строго так обошлась с тобой! Я ведь
любя.

Купавина. Я не понимаю, чем я виновата. Вы делаете такие угрозы...

Мурзавецкая. И всегда буду делать угрозы, и всегда... Нет, ты виновата, виновата,
у меня сердце болит глядеть на тебя. Еще не так тебя надо пугнуть.

Купавина. Да чем же я виновата?

Мурзавецкая. Зачем живешь одна? Отчего замуж не выходишь? Что хорошего! Только
дела запутываешь да имение расстроиваешь. На Чугунова-то плоха надежда.

Купавина. Да ведь вы сами его рекомендовали.

Мурзавецкая. А разве в них влезешь? Он вот плут оказывается порядочный!

Купавина (подумав). Нет, как хотите, я за него не пойду; я не чувствую к нему
никакого расположения.

Мурзавецкая. К кому?

Купавина. К Аполлону Викторычу.

Мурзавецкая. Да кто тебя неволит! Я думала, что ты его любишь; а нет, так и не
надо. Твоя воля, выбирай любого!

Купавина. Из кого выбрать-то?

Мурзавецкая. Подумай! Да ты бы не прочь, кабы нашелся хороший человек?

Купавина. Отчего же нейти! Я и сама вижу, что мое хозяйство плохо.

Волки и овцы. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Мурзавецкая (тихо). Беркутов-то долго здесь проживет?

Купавина. Нет, он на несколько дней. Да в нем никакого расположения ко мне незаметно.

Мурзавецкая. Жаль. А я было уж...

Купавина. Нет, как можно навязываться!

Мурзавецкая. Ну, а если он сам...

Купавина. Нет, ему нужно побогаче.

Мурзавецкая. Ну да, ах Боже мой! Мало ль что? Может, вдруг фантазия придет.

Купавина. Не знаю.

Мурзавецкая. Разумеется, коли он на несколько дней, да и не ухаживает...

Купавина. Нисколько. И не думает ухаживать.

Мурзавецкая. Так нечего делать. Знаешь что? Нет ли у него в Питере какой?

Купавина. Должно быть, есть.

Мурзавецкая. Какая-нибудь из немков. Ну, мы хоть так поговорим с тобой... А если б он?..

Купавина. Право, я не знаю, что вам сказать.

Мурзавецкая. Да чего стыдиться-то? Мне-то ты скажи!

Купавина. Да зачем вам?

Мурзавецкая. Разве ты меня не знаешь? Страсть моя знать все на свете и соваться во все дела, где меня не спрашивают.

Купавина. Да отчего ж?.. Я бы с удовольствием.

Мурзавецкая. Вот и ладно. (Громко.) Василий Иваныч, поди сюда!

Купавина. Ах, позвольте! Что вы?

Мурзавецкая. Молчи уж! Мне только твое желание надо было знать, – ты мне дорога-то, а на них нечего смотреть! Я умею с ними обращаться, вот посмотри! Только уж помни русскую пословицу: давши слово, держись, а не давши, крепись! Василий Иваныч!

Входит Беркутов.

Явление девятое

Мурзавецкая, Купавина, Беркутов.

Мурзавецкая. Василий Иваныч, целуй ручку у Евлампии Николавны!

Беркутов. Готов всегда с величайшим удовольствием!

Мурзавецкая. Бог вас благословит!

Беркутов. Что значат эти слова ваши, Меропа Давыдовна?

Мурзавецкая. А то, что я тебя женить хочу. Что живешь, только небо коптишь!

Беркутов. Уж очень вы много власти берете надо мной, Меропа Давыдовна.

Волки и овцы. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Мурзавецкая. Извини, голубчик! Вижу я сиротство твое, родных у тебя нет, – надо и об тебе кому-нибудь позаботиться.

Беркутов. Хорошо, Мерепа Давыдовна, что я люблю Евлампью Николаевну, и люблю давно; а если б не так, вы бы поставили нас в затруднительное положение.

Мурзавецкая. В затруднительное? Ошибаешься (стучит костылем), ошибаешься, говорю тебе. Я лучше вас знаю, что вам нужно: что тебе нужно, что ей. Ее душа мне известна; я в нее, как в зеркало, смотрю: вот я сейчас вижу, что она тебя любит. И тебе пора остепениться. Денег, что ль, больших ищешь? Так стыдно тебе! А ты душу ищи.

Беркутов. Слушаю, Мерепа Давыдовна, слушаю-с!

Мурзавецкая. Вы, питерские, думаете, что вас и рукой не достанешь, что вам у нас и пары нет, а вот есть!

Беркутов (склонив голову). Евлампия Николаевна?..

Мурзавецкая (Купавиной). Что молчишь? Ну, так я за тебя скажу. Она рада-радехонька!

Купавина. Я женщина простая, хитрить не могу; я не умела скрыть своих чувств перед Мерепой Давыдовной, не буду скрывать и перед вами.

Беркутов. Благодарю вас за счастье, которое вы мне доставляете! (Целует руку Купавиной.) Прошу вас зачислить меня вашим управляющим: это дело не терпит отлагательства.

Купавина. Сделайте одолжение!

Входит Чугунов.

Явление десятое
Мурзавецкая, Купавина, Беркутов, Чугунов, потом Павлин.

Беркутов (Купавиной). Вот ваш кредитор: вы ему должны по векселю.

Купавина. Я ничего не должна Вуколу Наумычу.

Чугунов (целуя руку Купавиной). За службу мою, за усердие векселек выдали.

Купавина. Я вам всегда деньгами платила.

Чугунов. Запомнили, сударыня, запомнили.

Беркутов. В самом деле, Евлампия Николаевна, долго ли забыть! Вукол Наумыч действительно заслуживает награды: он человек старательный. Приходите завтра, вы получите все, что следует. Благодарите Евлампью Николаевну.

Чугунов. Завтра со всеми детьми приду, в ноги кланяться заставлю.

Входит Павлин.

Павлин. Михайло Борисыч и Глафира Алексеевна! (Уходит.)

Входят Лыняев и Глафира.

Явление одиннадцатое
Мурзавецкая, Купавина, Беркутов, Чугунов, Глафира, Лыняев, потом Анфуса, Павлин.

Мурзавецкая. Вот как! Уж и вместе.

Волки и овцы. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Глафира. Да чего ж мне церемониться, Меропа Давыдовна? Мишель очень дорог для меня, я не хочу с ним расставаться ни на минуту.

Мурзавецкая. Ну, будущая мадам Лыняева, просим любить да жаловать! Садитесь!

Лыняев. Меропа Давыдовна, извините меня, что я поторопился предложить руку Глафире Алексеевне, не спросив вашего дозволения!

Мурзавецкая. Не виновата я, батюшка, ни в чем не виновата.

Лыняев. Я вас и не виню; я прошу меня извинить.

Глафира. Он хочет поблагодарить вас. (Лыняеву.) Что ж ты молчишь, Мишель?

Лыняев (со вздохом). Да-с, поблагодарить...

Глафира. Ему особенно понравилась во мне моя кротость. (Бросая Лыняеву шаль.) На, Мишель, поддержи шаль! (Мурзавецкой.) Мое смирение. (Лыняеву.) Возьми хорошенько, не мни! (Мурзавецкой.) Моя скромность. А всем этим я обязана вам. (Лыняеву.) Ты все молчишь, Мишель, так уж я за тебя говорю.

Лыняев. Благодарен, Меропа Давыдовна, очень благодарен.

Мурзавецкая. Об одном, батюшка, я тебя прошу: не пеняй ты на меня, своя воля была. Вот эту пару так уж точно я сосватала, вот за них должна буду Богу отвечать; а вы, как знаете.

Лыняев (Беркутову). И ты женишься? Как ты скоро... Поздравляю тебя!

Глафира (Купавиной). Ты решилась наконец! Ну, поздравляю!

Купавина. Да, я все мечтала о свободе... а потом убедилась, что наше женское счастье неразлучно с неволей.

Мурзавецкая. Не клевети, матушка, на женщин! Всякие бывают; есть и такие, что не только своим хозяйством, а хоть губернией править сумеют, хоть в Хиву воевать посылай. А мужчины есть тоже всякие: есть вот и такие молодцы (показывает на Беркутова), а то видали мы и таких, что своей охотой к бабам в лакеи идут.

Лыняев. Да, на свете волки да овцы, волки да овцы.

Павлин вносит кофе.

Глафира (принимая чашку). Мишель, сделай милость, поддержи мой зонтик! (Смеется.) Ах, у тебя все из рук валится.

Мурзавецкая (Беркутову). Зиму-то здесь будете жить?

Беркутов. Я думаю, что Евлампии Николаевне приятнее будет эту зиму провести в Петербурге.

Купавина. Да, конечно.

Мурзавецкая (Лыняеву). А вы?

Глафира. Мы эту зиму будем жить в Париже.

Лыняев. Мы в Париже.

Беркутов. А уж на лето к вам, под ваше крылышко.

Лыняев. И я тоже.

Глафира. Ах, нет, Мишель, ведь мы еще не решили. Я думаю провести лето в Швейцарии.

Лыняев. Да, мы еще не решили.

Беркутов. Меропа Давыдовна, благодарю вас за радушный прием и за участие, которое вы во мне приняли! Позвольте предложить вам этот маленький подарок. (Подает Мурзавецкой коробочку.) Это аквамариновые четки! Господа, я пробыл здесь недолго, но уж имел возможность вполне оценить эту во всех отношениях редкую женщину. Желательно, чтоб наши передовые люди всегда относились с глубоким уважением к Меропе Давыдовне. Мы должны подавать пример другим, как нужно уважать такую почтенную старость!

Чугунов (утирая слезы). Все правда, все правда!

Мурзавецкая. Благодарю, Василий Иванович, благодарю! (Целует Беркутова в голову.) Ну, батюшка, видала я на своем веку всяких людей, а таких, как ты, не приводилось. (Тихо.) Ну, я твое дело сделала, а ты мое как?

Беркутов. Уладится благополучно. Вам Чугунов скажет.

Купавина. Поедьте, господа! До свиданья, Меропа Давыдовна! Нам еще с Глафирой Алексеевной нужно все магазины объездить. Вы уж позвольте мне ее взять к себе.

Мурзавецкая. Ах, матушка, с руками отдаю.

Глафира. Мишель, ты с нами?

Лыняев. У Евлампии Николаевны коляска ведь двухместная.

Глафира. Так что ж, Мишель? Сядь на козлы! Свой экипаж отдай Анфусе Тихоновне! Анфуса Тихоновна!..

Анфуса входит.

Поезжайте на лошадях Мишеля!

Анфуса. Хорошо уж... прощайте.

Лыняев. Да как же возможно мне, с моим сложением, на козлы? Да еще двенадцать верст трястись до усадьбы!

Глафира. Послушай меня, Мишель! Тебе это очень полезно: ты толстеешь так, что ни на что не похоже. Мы в Париж поедем, ведь самому будет совестно таким медведем приехать.

Уходят Беркутов, Купавина, Лыняев, Глафира и Анфуса.

Явление двенадцатое
Мурзавецкая, Чугунов, потом Мурзавецкий.

Чугунов (у окна). В Париж да в Петербург! Что денег-то увезут из губернии!

Мурзавецкая. Что? Смаклерил дело-то хорошо? Благодарю! Осрамил было благородную, уважаемую даму.

Чугунов. Да вы уж хоть повесьте меня, а не воротишь!

Мурзавецкая. Что тебе, крысе, Беркутов-то говорил?

Чугунов. Все шито да крыто; и Клашку, чтоб он не болтал тут, в Вологду услал Василий Иванович.

Мурзавецкая. Вот золотой-то человек! Я его в поминанье запишу. Запиши его ко мне в поминанье, да и к себе запиши!

Волки и овцы. Александр Николаевич Островский ostrovskya1alexander.ru
Чугунов. Золотой-то он – точно золотой; а я вам вот что скажу! За что нас Лыняев волками-то называл? Какие мы с вами волки? Мы куры, голуби... по зернышку клюем, да никогда сыты не бываем. Вот они волки-то! Вот эти сразу помногу глотают.

За сценой слышен крик: «Тамерлан, Тамерлан!» Вбегает Мурзавецкий в отчаянии.

Мурзавецкий. Нет, ма тант, нет! Я не переживу.

Мурзавецкая. Успокойся, Алоллоша, успокойся!

Мурзавецкий (опускаясь на стул). Нет, ма тант, лучшего друга моего...

Мурзавецкая. Ну, что ж делать-то?

Мурзавецкий. Лучшего друга, ма тант... Где pistols?

Мурзавецкая. Что ты... грех какой!

Мурзавецкий. Нет, застрелюсь, застрелюсь!.. Уж заряжен, ма тант, заряжен.

Мурзавецкая. Ах, бедный! Как тебе это...

Мурзавецкий. Да, ма тант, лучшего друга... Близ города, среди белого дня, лучшего друга... Тамерлана... волки съели!

Мурзавецкая. Тьфу ты! А я думала...

Чугунов. Близ города, среди белого дня! Есть чему удивляться!.. Нет... Тут не то что Тамерлана, а вот сейчас, перед нашими глазами, и невесту вашу с приданым, и Михаила Борисыча с его имением волки съели, да и мы с вашей тетенькой чуть живы остались! Вот это подиковинней будет.

1875

1
Прощайте, сударь (франц.)

2
ma tante est elle irritie? – тетушка раздражены?

3
absolument – совершенно, совсем (франц.)

4
parole d'honneur – честное слово (франц.)

5
sautez – прыгай (франц.)

6
Donnez moi de l'argent – дайте мне денег (франц.)

7
un peu – немного (франц.)

8
laissez – оставьте (франц.)

9

jamais de ma vie – никогда в жизни (франц.)

10

comprenez vous – понимаете (франц.)

11

attendez – придется подождать (франц.)

12

imaginez-vous – вообразите (франц.)

13

à présent quelque chose – сейчас хоть сколько нибудь (франц.)

14

c'est assez – достаточно (франц.)

15

quelle idée – что за мысль (франц.)

16

voulez-vous – хотите? (франц.)

17

je vous assure – я вас уверяю (франц.); entre nous deux – между нами двоими (франц.)

18

ici – сюда (франц.)

19

mon ange – мой ангел, un mot – одно слово (франц.)

20

taisez vous – замолчите (франц.)

21

mon cher – мой дорогой, sans facons – без церемоний (франц.)

22 malheur – беда (франц.)

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://ostrovskyaalexander.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!